

БЫТЬ ЕЮ — ДАР И ПРОКЛЯТИЕ... *

РОЖДЁННАЯ ЛЕСОМ

18+

ЭЛЕЙН ОДРИ БЕККЕР

Young Adult. Наследники леса

Элейн Одри Беккер

Рожденная лесом

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Беккер Э.

Рожденная лесом / Э. Беккер — «Эксмо», 2021 — (Young Adult.
Наследники леса)

ISBN 978-5-04-169093-9

Рора – оборотень. Магия, что течет в ее жилах, вызывает лишь страх. Она использует свои силы, работая на короля. Девушка путешествует в разных обличьях и выискивает малейшие признаки мятежа. Когда на королевство обрушивается магическая болезнь, Рора раскрывает ужасающую правду: Финли, молодой принц и ее лучший друг, тоже заразился ею. Его единственная надежда – звездная пыль, самый редкий из магических элементов, найденный глубоко в дикой местности, где выросла Рора. И куда она поклялась никогда не возвращаться. Но ради своего единственного друга девушка готова встретиться лицом к лицу с прошлым и бросить вызов темному лесу. Она отправляется в опасное путешествие, где ей предстоит выжить в разумных лесах, среди опасных существ, которые хотят ее смерти.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-169093-9

© Беккер Э., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Первая глава	7
Вторая глава	17
Третья глава	27
Четвертая глава	36
Пятая глава	46
Шестая глава	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Элейн Одри Беккер

Рожденная лесом

Elayne Audrey Becker

FORESTBORN

Copyright © 2021 by Elayne Audrey Becker

All rights reserved.

© Кувшинова Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается моим родителям, которые никогда не сомневались.

Первая глава

Я нахожу ее лежащей лицом в грязи в глубине Древнего леса.

Острая боль пронзает ладони из-за того, как сильно я сжимаю кулаки, оставляя на коже следы полумесяцев от ногтей. Узловатые корни выются по усыпанной ветками земле, упираясь в мои ботинки, словно предупреждая, когда я переворачиваю молодую женщину на спину. Лучше убедиться.

Нет, она точно мертва. Холодная, окоченевшая и изможденная голодом, как и все остальные, потому что лесной мусор хоть и скрывает большую часть рубашки, но изношенный хлопок безошибочно обрисовывает ее костлявое тело. Проглотив чувство разочарования, я закрываю ей веки, желая избавить ее родственников от этого неподвижного, устремленного в пустоту взгляда.

– Извини, – присев на корточки, бормочу я. – Полагаю, ты этого не заслужила.

Вокруг нас деревья склоняются в зловещем единстве, их листья и ветви натягиваются и тянутся к мертвой женщине, будто привязанные веревками. Люди называют это притяжением. Я не обращаю внимания на покалывание в животе. Деревья скоро выпрямятся, когда магия покинет ее тело.

Кивнув напоследок, я встаю и возвращаюсь обратно к опушке. Древний лес – густой, с огромными дубами, теснящимися в разгар лета на травянистом ковре. Сквозь их кроны пробиваются лучи солнечного света, которые сверкают, как хрустальные люстры. В общем, слишком мирная обстановка для того, кто доведен до безумия и умер в одиночестве. Глубоко вдыхаю аромат леса, чтобы насладиться им, пока это возможно. Я благодарна, что по какой-то неведомой причине эти деревья никогда не привлекала магия моей крови. Мне хватило мстительной дикой природы на всю жизнь.

– Ну что? – спрашивает Сералин, до побелевших костяшек сжимая подол рубашки.

Я отрицательно качаю головой.

– Мертва.

Ее плечи опускаются. Несмотря на то, что Сералин крепка как сталь, когда в кожевенной мастерской своей тети превращает кожу в хомут для ломовых лошадей, сейчас она, стоя в двух шагах от линии леса, кажется хрупкой, как свежевывпавший снег.

– Пойдем, – говорю я, глядя на каменный город за открытым полем. – Ты опоздаешь.

Я не спрашиваю, собирается ли она тоже осмотреть тело. Хотя Сералин и настояла на том, чтобы прийти сюда в знак поддержки, но у нашей дружбы есть границы и ее дискомфорт перед мертвыми и смертью – главная из них.

После недолгих колебаний Сералин подстраивается под мой шаг широкими движениями проводя своей тростью по земле.

– Бедняга.

Я лишь согласно бормочу в ответ сквозь стиснутые зубы.

Густой воздух позднего лета наливается тяжестью с раннего утра, и моя шея уже покрылась испариной. Ячменные поля остаются, к счастью, пустыми, пока мы пробираемся сквозь пыльные ряды, но я все равно иду вперед, ссутулившись и опустив голову, наполовину по привычке, а наполовину из-за нехватки времени Сералин не единственная, кто опаздывает.

– Ты не пойдешь с нами? – спрашивает она, склонив голову набок, когда мы приближаемся к городу. – Разве тебе не нужно вернуться в Роанин?

– Не могу, – отвечаю я, как бы извиняясь. Не совсем понимаю, зачем мы все еще играем в эту игру, хотя обе знаем, что это бесполезно. – Мне сначала надо позаботиться о других вещах.

– Именно сегодня, – фыркает она.

– Ты же знаешь, как это бывает.

По правде говоря, я бы отдала правую руку на отсечение, лишь бы держаться подальше от столицы. Но ничего не поделаешь.

– Ее муж заслуживает знать правду, – добавляет Сералин через некоторое время. – Эти двое были неразлучны.

– Он узнает. Я легко прошла по следам.

Сералин всегда уговаривает меня поговорить с семьями умерших. Она считает, что я более тактична, чем большинство других людей в форме, и однажды даже назвала меня бессердечной за отказ. В тот раз было больше всего. Однако это не моя работа – сообщать ближайшим родственникам обо всех обнаруженных мною телах. Я отчитываюсь только перед королем. К тому же непохоже, чтобы она сама собиралась стать добровольцем.

Брайрвэнд – скромный фермерский городок с тремя улицами и множеством каменных магазинчиков. Они построены здесь не для того, чтобы придать городу очарования, а чтобы купить все необходимое. Его измученные погодой жители точно такие же. Когда я начала искать здесь сведения четыре года назад, то обнаружила, что долгие рабочие дни на окрестных полях сделали людей ленивыми и разговорчивыми всего за пару пинт. Но в последнее время они просто голодны, а бедная почва и растущие налоги оставляют зияющие дыры, которые, кажется, заполняются только яростью.

Каждую ночь при тусклом свете масляной лампы за грязными липкими столами посетители паба изливают злобу и осуждение, словно бросают семена в землю. Избитый лесной странник, которому я помогла добраться домой прошлой ночью, не единственный одаренный, найденный мной на мощеных улицах истекающим кровью. Гнев людей нарастает.

Когда мы добираемся до дома Сералин, ее семья запрягает лошадей в старую телегу. Большинство местных жителей уже давно уехали.

– Где ты пропадала? – требовательно спрашивает ее мать, затягивая кожаные ремни. Чалая кобыла бьет копытом, нервно подрагивая ушами в моем присутствии. – Мы должны были уехать несколько часов назад!

– Лейле требовалась моя помощь. И ты все равно еще не готова, – пожимает Сералин плечами.

– Как и ты. Завтрак закончился, так что тебе придется подождать. Иди переоденься.

Она старательно избегает моего взгляда, будто меня здесь вообще нет.

Сералин прощается со мной, слегка коснувшись плеча, из-за чего ее младшая сестра быстро скрещивает две пары согнутых пальцев и разводит их в стороны. Знак, отгоняющий плохую судьбу.

Как только Сералин уходит, ко мне приближается жуткий Арден, проводя жирной рукой по лбу.

– Тебе не следует потакать моей сестре. – Безусловно, он самый слабый брат в этой семье из четырех человек. – Сералин чересчур деликатна. Она не может бродить по королевству с такими, как ты.

Какая ирония, ведь в прошлом году он охотно оказывался рядом, когда думал, что пустая лесть поможет ему получить поцелуй. Это было до того, как участвовавший голод озлобил его язык, и до того, как он узнал, кто я на самом деле. Хотя мне глубоко наплевать, что на уме у этого парня, я с тревогой осознаю, что внутри у меня все еще горит от гнева и чего-то похожего на стыд. Мой взгляд падает на его штанину, где видны пятна засохшей крови, оставшейся с прошлой ночи.

– Какие-то проблемы? – усмехается Арден, его бледная кожа покраснела от долгих дней на солнце.

Ощущение покалывания медленно поднимается изнутри, а нити онемения тянутся по рукам и ногам. Заставляю себя глубоко дышать в попытке избавиться от них.

– Знаю, это был ты, – бормочу я.

Он проводит двумя пальцами по потрескавшимся губам, а его глаза-бусинки устремляются к матери, прежде чем он наклоняется ко мне с напряженной улыбкой.

– Ничего ты не знаешь, – шипит Арден.

– Ты забываешь, что в моем распоряжении есть кое-какие ресурсы. – Я поднимаю руку перед его обожженным на солнце лицом показывая свои заострившиеся ногти. – И я знаю, где ты живешь.

Я смотрю до тех пор, пока не удовлетворяюсь страхом, отразившимся у него на лице. А затем направляюсь к единственной городской гостинице, которая едва ли больше обычного постоялого двора с четырьмя скрипучими комнатами. Будь мой брат, Элос, здесь, он посоветовал бы не попадаться на удочку, сказал бы, что я выше этого. Чего он, кажется, никогда не понимал, так это того, что я ничем не лучше.

Раздражает, что хозяин гостиницы отсутствует, когда я поднимаюсь по лестнице и открываю свою комнату. Но как только закрываю за собой дверь, тут же меняю облик. Прохлада струится по моим покалывающим конечностям, словно жидкость, когда я освобождаюсь от заимствованной внешности, сбрасывая маскировку, что использую для Брайрвэнда.

Вместо лица и черт Лейлы появляются мои собственные: более высокий рост и крепкие икры, оливковая кожа на тон темнее белоснежного лица Лейлы, узкие глаза и густые орехово-каштановые волосы, волнами ниспадающие чуть ниже постоянно напряженных плеч. Девушка в которой семья Сералин никогда бы меня не узнала. Открываю единственное в комнате окно и размышляю.

Я предпочитаю напрямую платить хозяину гостиницы за его бдительность, и мне не нравится мысль, что кто-то внизу может увидеть, как я улетаю отсюда. Но, полагаю, большинство домов уже пустует, и в любом случае я не могу позволить себе ждать. Положив серебряную монету на столик в углу, снимаю одежду и сосредотачиваюсь на месте глубоко внутри себя, используя его, чтобы притянуть окружающий меня воздух. Интуитивно мое тело немеет, кости сжимаются, превращаясь в кости ястреба-тетеревятника, а мои серые и кремново-белые перья трепещут от удовольствия. Узел между ребрами слегка ослабевает, когда я вылетаю через окно на утренний свет.

От Брайрвэнда до Роанина, столицы Тилиана, примерно час полета. В таком облике мой хвост прямой, как древко стрелы, а крючковатый клюв острый, подобно тилианской стали. Прохладный ветерок скользит по моим перьям, и сердце поет от чувства свободы, но она мимолетна.

Далеко внизу пролегает единственная широкая дорога, ведущая через фермерские участки и лиственные леса на север. Она уже забита пешими путешественниками и теми, кто едет верхом. Многие, особенно те, кто живет дальше к югу, отправятся в путь ночью. Это единственный день в году, когда Даноферы открывают ворота замка Роанин для публики, и многие люди чрезвычайно гордятся тем, что смогли пройти и занять себе место на его территории.

Даже того облегчения, которое приносит полет, недостаточно, чтобы затмить мою ненависть к этому дню.

Впереди, наконец, появляется место моего назначения: открытое пространство гранитных зданий, поблескивающих серым в лучах восходящего солнца, редкие остроконечные крыши и шпили, разрывающие линию горизонта. На севере Роанин окружен тенью Пурпурных гор, а с востока и запада его окаймляют густые леса, и его жители все больше опасаются чужаков. Естественные барьеры с трех сторон оставляют чужакам только один способ войти в город, но даже тогда им будет трудно сориентироваться. Потому что сам город представляет собой головокружительное множество извилистых узких улочек и каменных зданий. Таких же диких и петлистых, как окружающий его Древний лес. И позади, над всеми этими домами, словно на страже, возвышается угловатый замок Роанин.

Поступив на службу к королю Жерару четыре года назад, я была достаточно глупа, чтобы довериться этому замку. Чтобы надеяться, что после многих лет борьбы за выживание в дикой природе, когда рядом со мной был только мой брат, я наконец-то обрету дом. Оказывается, жить отшельником очень угнетает, но быть окруженным людьми, которые не хотят иметь с тобой ничего общего, ранит намного сильнее.

Я облетаю всю территорию замка и приземляюсь на крыше своего дома, маленькой однокомнатной комнаты, расположенной за вонючими конюшнями, поблизости от внешней стены. Работа, которую я выполняю для короля Жерара, позволяет мне жить на королевской земле, но не больше. Городская башня с часами насмехается надо мной, подгоняя, когда я надеваю нежно-голубое платье и туфли на плоской подошве, хмуро разглядываю темные круги под глазами и спешу к восточным воротам. Хотя обсаженная дубами лужайка, отделяющая замок от главных ворот простирается, наверное, по меньшей мере на четыреста шагов вглубь, но даже на таком расстоянии рев собирающейся толпы напоминает громкий шум далекого прибора.

За деревянной дверью восточной кухни царит суматоха: подмастерья рубят, кастрюли кипят, повара снуют – все уже готовится к обеду. Бедным девушкам вроде Сералин приходится время от времени пропускать трапезу, но здесь, в замке, всегда едят три раза в день, и еда подается в отполированных до блеска тарелках с золотой окантовкой на покрытых скатертями столах. Я пробираюсь сквозь соблазнительные ароматы розмарина и тимьяна и обхожу молодых людей, посыпающих морковь и репой тонко нарезанную оленину, с высоко поднятой головой, как будто косые взгляды окружающих ничего для меня не значат. Грубые жесты и озлобленные лица не более чем капли дождя, стучащие по стеклу.

К тому времени, как добираюсь до выхода, в груди все сжимается, как от укола булавкой.

За пределами пустого коридора, в центральном атриуме замка, замечаю такую же суматоху. Напряжение сковывает мои лопатки, когда я пробираюсь сквозь снующих мужчин и женщин, и каждый шаг болезненно отдается эхом от полированного мраморного пола. Фойе, тянущееся на три этажа вверх и облицованное окнами со свинцовыми стеклами в два раза выше меня, похоже, специально создано для того, чтобы обитатели замка чувствовали себя маленькими. Кованые перила ограждают крытую двумя этажами выше галерею и дорожку, которая проходит по периметру комнаты и заканчивается у стеклянных двойных дверей, сверкающих на южном фасаде замка. В течение часа Даноферы пройдут через эти двери и выйдут на узкий балкон, чтобы прочитать Предсказание, ради которого все собрались.

Я поднимаюсь по парадной лестнице атриума, перепрыгивая через две ступеньки за раз.

Почему-то легче дышится на втором этаже, где толстые зеленые ковры окутывают обшитый панелями коридор защитным покровом тишины. Мое сердце замирает, когда я заворачиваю за угол и вижу, кто стоит на посту у двойных дверей гостиной.

– Ты опоздала, – с тихой радостью замечает Дом, один из самых главных охранников короля Жерара. Каролетта рядом с ним шмыгает носом и смотрит вниз.

– Просто открой дверь, – говорю я.

Каролетта цокает языком и перекидывает свою длинную каштановую косу через плечо.
– Манеры, оборотень. Теперь ты в обществе королевских особ.

Мои ногти превращаются в когти.

– Открой дверь, или я вскрою тебя.

Члены уважаемой королевской гвардии выглядят далеко не впечатленными этой угрозой, но Дом тем не менее поворачивает ручку и входит первым.

– От тебя разит смертью, – шипит Каролетта, когда я прохожу мимо нее. Горячее дыхание девушки касается моего уха. И хотя я крепко держусь за свой гнев, как за вторую кожу, не могу остановить старый страх, скользкий липкими пальцами по позвоночнику.

– Оборотень хочет видеть вас, Ваше величество, – объявляет Дом, его серая униформа с фиолетовым подтоном кажется застиранной на фоне мягкой мебели.

Три члена королевской семьи слоняются у занавешенных окон в дальнем конце задрапированной перламутровой тканью гостиной: король Жерар в своей короне, инкрустированной изумрудами и предназначенной только для официальных церемоний, наследная принцесса Вайолет и Уэслин, старший и наименее милый из двух принцев. Все трое – в черных траурных одеждах.

День Предсказания. Годовщина смерти королевы Рейнен. По роковому стечению обстоятельств этот мрачный день знаменует обе даты.

– Здравствуй, Рора, – устало улыбается король Жерар сквозь печаль, омрачающую его лицо. Позади него Вайолет в длинном платье, с короткими до плеч волосами, пронзает меня взглядом, а потом продолжает напряженно расхаживать взад и вперед, легонько постукивая по ладони длинным красно-золотым пером. Оно было подарено отцом, чтобы закрепить ее место в качестве его преемницы.

Я бы вырвала перо у нее из рук и сломала пополам, если бы не думала, что это в одночасье разрушит и королевство.

– Ваше величество. Простите меня, я шла по следу. – Поспешно отвешиваю поклон, как только дверь за мной захлопывается.

– Продолжай.

– Еще пять случаев в Брайрвэнде. Один мертв. Двое достигли стадии притяжения и безмолвия.

Эти пять добавились к почти двумстам другим случаям, разбросанным по всему королевству. Восемьдесят семь больных уже мертвы, и это только те, кого я нашла. Болезнь, вызванная магией, способна убить своих жертв за несколько дней или месяцев, как взрослых, так и детей. Кроме как призрачной агонией ее не назовешь. Целители не сумели создать ни одного лекарства, которое помогло бы. Болезнь распространяется.

– Есть какая-нибудь связь между пострадавшими? – спрашивает король Жерар, засовывая руку в карман своего костюма. На лице правителя виднеются черты его детей: суровый лоб кронпринцессы, ясные глаза младшего принца, аккуратная борода и густые темные кудри старшего. Правда, в последние месяцы в его собственных волосах стало больше седины. И пусть его светлая кожа, тронутая загаром, такая же, как у двух старших детей, на мой взгляд, эмоции на его лице в этот момент – полное отражение младшего сына, Финли.

– Ничего особенного, что я могла бы подметить, сэр. Кроме обычного.

Как всегда, ни одного заболевшего или умершего оборотня, заклинателя или лесного странника. Только люди. Я заламываю руки за спину, наблюдая, как король Жерар молча осмысливает эту информацию.

– Есть кое-что еще, – добавляю я, теперь уже более нерешительно.

Голова Вайолет поворачивается в мою сторону, но король лишь хмурит брови.

– Говори свободно.

– Я нашла лесного странника, которого сильно избили, недалеко от центра города. – Надежно спрятанные от посторонних глаз, мои руки сжимаются в кулаки. – Думаю, я знаю одного из нападавших.

– У вас есть доказательства вины?

В ответ сжимаю губы.

– Не совсем.

Король Жерар с озабоченным видом поглаживает бороду.

– Без доказательств я ничего не могу сделать. Но пошлю весточку магистрату. Такое поведение неприемлемо.

Вайолет снова начинает расхаживать по комнате, теперь задумчиво склонив голову.

Мое внимание переключается на Уэслина, стоящего в нескольких шагах позади. Он не отводит взгляда от окна с тех пор, как я приехала, и теперь стоит ко мне спиной, очевидно, безразличный к новости о том, что еще один одаренный был ограблен на улицах. Но, с другой стороны, он никогда не проявлял хотя бы малейшего беспокойства по поводу моих слов. Ни разу с того дня, как мы встретились четыре года назад в этот день.

Ежегодное Предсказание и день смерти королевы Рейнен – это также годовщина нашего с Элосом прибытия в замок Роанин. Совпадение, о котором мне никогда не позволяет забыть его непоколебимое равнодушие.

– Спасибо, Рора, – благодарит король Жерар, и нити оцепенения рассеиваются так же быстро, как и появились. – Вы можете идти.

Он переводит взгляд на портрет своей покойной жены, висящий над незажженным очагом.

– Сэр, мне прочесать еще раз территорию? – с надеждой спрашиваю я. – Я могу отправиться прямо сейчас.

– Нет, – он лениво машет рукой в мою сторону, и мои плечи опускаются. – Нет, возможно, у меня есть для тебя что-то новое. А пока возьми отгул на остаток дня.

Я открываю рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но тут Дом возвращается в гостиную.

– Ваше величество, уже почти одиннадцать. Они готовы открыть ворота.

– Хорошо, хорошо, – король еще раз машет рукой, а затем спрашивает, казалось бы, ни к кому конкретно не обращаясь: – Где Финли?

– Я могу привести его, сэр, – сразу же говорю я, как только Уэслин наконец поворачивается. Его холодные глаза сужаются, и я испытываю смутное чувство победы.

Король Жерар же, напротив, немного оживляется. Это едва заметно: чуть более гладкий лоб и расслабленная челюсть, – но я научилась находить подобные признаки всякий раз, когда упоминают о присутствии Финли.

– Очень хорошо.

Я ухожу прежде, чем его старший сын успеет возразить.

За то время, пока добираюсь до величественного, облицованного коричневым камнем северного крыла и поднимаюсь по лестнице, шум собравшейся толпы становится все ближе и уже проникает сквозь толстые стены замка. Сотни, если не тысячи нетерпеливых людей, готовы утоптать тщательно ухоженный газон. Тревога крепко сжимает мою грудь.

Я заворачиваю за угол и чуть не сталкиваюсь с Финли лоб в лоб.

– Рора! – восклицает он, и широкая улыбка расплывается на его худом лице. – Надеюсь, ты не меня ищешь?

Финли – полная противоположность своим брату и сестре. И это удивительно: его вечная неуклюжесть и неистовая энергия. Волнистые светлые волосы обрамляют доброе лицо, усеянное веснушками – напоминание о детстве проведенном под солнцем. Уже чувствую, как моя привычная маска спадает впервые за два дня.

– Твой отец послал меня на твои поиски, – я окидываю критическим взглядом его помятый костюм и наполовину завязанный галстук, свободно болтающийся на шее. – Вижу, ты снижаешь свои стандарты.

– Удар ниже пояса, – говорит он, толкая меня в плечо, прежде чем встать рядом и поправить галстук. – Но, возможно, я заслужил.

– Ты обещал хотя бы попытаться, – упрекаю его.

– Я знаю.

– Кажется, сегодня хороший день, чтобы начать, – добавляю я, отмечая, что его плечи слишком расслаблены для того, кто испытывает чувство вины.

– Мне нужно было кое-что сделать, – утверждает Финли. – Королевские обязанности, сама понимаешь.

Я поднимаю бровь.

– Не лги мне.

– Отлично. Я проспал. Головная боль. Наверное, слишком много выпил вчера вечером.

Ты же знаешь, как это бывает.

– На самом деле, нет.

– Факт, который я твердо намерен однажды изменить, – Финли спотыкается о кроваво-красный ковер и цепляется за каменную стену.

– Ты... нервничаешь? – спрашиваю я, сдерживая улыбку.

Он искоса смотрит на меня.

– Теперь ты просто ведешь себя грубо.

Общаться с Финли легко, настолько, что я позволяю себе ослабить бдительность больше, чем следует. Так что к тому времени, когда мы приближаемся к дверям гостиной, старый страх вновь овладевает мной, даже сильнее прежнего. Фигуры на гобеленах, висящих на стенах, видятся теперь по-другому. Их насмешливые лица будто предупреждают о грядущих неприятностях. Я представляю, как они тянут ко мне свои жадные руки, желая растянуть и расплющить мое тело, пока я не стану такой же, как они: неподвижной, безмолвной и неспособной причинить какой-либо вред.

– Только что вспомнил! – восклицает Финли так внезапно, что я вздрагиваю. – Я сегодня должен был принести цветы.

Я окидываю его скептическим взглядом. Король Жерар не упоминал ни о каких цветах.

– Пошли, или отец оторвет мне голову. – и, не дожидаясь ответа, он разворачивается.

Искоса смотрю на двери гостиной в другом конце коридора. Не собираюсь возвращаться туда без него, поэтому, смирившись, следую за Финли.

– Почему цветы? – спрашиваю я, пока мы спускаемся по винтовой лестнице мимо озадаченных, кланяющихся слуг.

– Для мамы. Представлять ее интересы.

– Садовник не мог принести их для вас?

– Это личное.

Чтобы избежать нежелательного внимания со стороны толпы, которая сейчас собирается на лужайке перед замком, Финли выводит нас через заднюю дверь, скрытую в северном крыле, кивая любопытным молодым стражникам. Моя кожа покрывается испариной, кажется, всего за несколько мгновений, пока я иду за ним через сад с живой изгородью, через рощи красных кленов, мимо домика садовника и старого, редко используемого каретного сарая к потайной двери во внешней стене. Ползучий плющ и поросшие мхом трещины скрывают от посторонних глаз железное кольцо с ключами.

– Финли, – предупреждаю я, чувствуя, как у меня покалывает в затылке.

– Хорошо, я солгал, – вытащив тяжелый ключ из-за камня, он распахивает дверь и жестом приглашает меня войти первой. – Но ты должна признать: тот факт, что ты не поняла этого раньше, доказывает мою правоту.

– О чем ты говоришь?

– Мы оба знаем, что тебе там не хватало воздуха, – Финли закрывает засов, а затем с усмешкой опускает мои скрещенные руки.

– Ты что, с ума сошел? – искренне удивляюсь я.

Он пожимает плечами и шагает прямо в Древний лес.

– Ты не можешь пропустить церемонию, – настаиваю я, даже когда иду в ногу с ним. – Это самый важный день в году!

– Нет, – отвечает он, и выражение его лица становится серьезным. – Просто день для глупых традиций и беспочвенных предположений. На этот раз тебе не нужно страдать от последствий. Ты и так делаешь достаточно.

Я прикусываю губу.

– Думаешь, сегодня будет то же самое?

Финли проводит рукой по волосам.

– Прошло шесть лет. Я не понимаю, почему должно быть по-другому.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты не нарушаешь восьмисотлетнюю традицию из-за меня.

– Давай же Рора. Я, конечно, хороший, но не настолько.

Но Финли действительно хороший. Он делал подобное и раньше, ловко вытаскивая меня из напряженных ситуаций под предлогом того, что ему необходима моя помощь. И только потом, выдержав жалобы и закатывание глаз я узнавала, что ему следовало находиться где-то в другом месте.

По мере того как мы поднимаемся, отдаленная болтовня толпы сменяется нежной мелодией леса: ветер треплет листья над скрипящими ветвями, щебечут малиновки и кардиналы, визжат насекомые и мелкие животные, пробирающиеся сквозь заросли шиповника. Сначала я думаю, что он ведет нас к богато украшенному надгробию на могиле своей матери, по ее воле воздвигнутому здесь. Сегодня это имело бы особый смысл, хотя Финли и его семья все равно часто приходят туда. Ну, кроме старшего брата. Если в кухонных сплетнях есть хоть доля правды, Уэслин не ступал в эти леса с того самого дня, как погибла королева Рейнен.

Однако наш путь ведет на юг, в совершенно другом направлении от могилы. Земля под ногами становится более ухабистой, трава уступает место дикой растительности и покрытым грязью камням. Дубы, буки, гикори, вязы – древний и непреклонный лес с великанами из давно потерянных времен. Несмотря на мое беспокойство о том, как король Жерар воспримет отсутствие Финли, нельзя отрицать, что узел у меня в животе ослабевает с каждым вдохом лесного воздуха.

Ежегодная традиция публичного чтения Предсказания почти так же стара, как сама жизнь на Алемаре. Около восьмисот лет назад, после того, как заклинательница по имени Фендолин впервые объединила одаренных и обычных людей под общим знаменем, с тех пор, как магия появилась на континенте, разногласия относительно линии преемственности разделили ее последователей на враждующие лагеря.

Некоторые полагали что ее дочь, Тилиан, была естественной наследницей, поскольку обладала магическим даром. Другие считали несправедливым, что ее сын, Эрадайн, был отвергнут просто потому, что в его венах не текла магия. Затем Вилла Гленвил, одна из ближайших советников Фендолин, бросила вызов обоим детям за право на престол, так как была уверена, что корону необходимо не унаследовать, а заработать.

Чтобы избавить народ от взаимной резни, Фендолин предложила компромисс: Эрадайн занял север, Гленвил – среднюю территорию, а Тилиан осталась на юге, где правила ее мать. Но великаны, опасаясь, что семена обиды пустят корни в людях, и не желая участвовать в гря-

дущих неприятностях, попросили, чтобы континент вместо этого разделили на четыре части, оставив пустыню к западу от реки нейтральной территорией, на которую никто не мог претендовать. Все согласились.

Перед отъездом, в знак доброй воли, великаны подарили каждому из трех новых правителей птиц самого редкого на континенте вида – лоропинов. Птица, желанная для большинства, потому что ее перо пишет правду о будущем, но только для того, кому его подарили, и только в годовщину того дня, когда оно было подарено. Став свидетелями соперничества, вызванного ревностью, страхом и гневом, гиганты преподнесли свой подарок как символ, чтобы напомнить о том, что только истина и разум должны диктовать свои правила, а не мрачные эмоции.

С тех пор ежегодно в знак единства во всех трех королевствах каждый правитель использует свои перья, дабы написать послание, которое, кажется, всегда пишется само, и публично его зачитывает. Всегда расплывчатые слова утешения или предупреждения, редко состоящие более чем из одного предложения, чтобы направлять подданных в будущем году и укреплять свою роль владыки истины. И относительный мир действительно сохранялся до сегодняшнего дня. Семь лет назад, впервые за семьсот сорок один год три пера выдали одни и те же слова для всех трех правителей: *смерть двух оборотней*.

Два года спустя, когда королева Рейнен со своим охотничьим отрядом и двое ее старших детей наткнулись на Элоса и меня, сидящих на корточках в Древнем лесу, был день Предсказания. Третье из шести последовательных ежегодных чтений, на которых произносились одни и те же три слова. Из семи, если на сегодняшнем чтении прозвучит то же самое. В тот день первое землетрясение почти за восемьсот лет обрушилось на землю, вселив ужас в сердца тилианцев, что День Разрушения, который однажды уничтожил мир, может повториться вновь. Именно тогда королева, по общему мнению, искусная наездница, упала с лошади, сломала шею и умерла.

Советники короля Жерара увидели в этом предзнаменование. Трагедия, предвещающая конец рода Даноферов, королевской родословной, что тянется вплоть до Фендолины, хотя без брака с одаренными магия в ней исчезла почти за два столетия. Доказательство того, что вспышка магии вновь способна расколоть континент на части. И в центре всего этого, по их мнению, оказались мы с братом.

– Рора, – зовет Финли, возвращая мое внимание к настоящему. – Как я уже говорил, мой жест не такой уж бескорыстный. Я подумал, раз мы здесь, ты могла бы мне кое в чем помочь.

– Да?

– Да, и, думаю... мне понадобится твоя помощь раньше, чем я предполагал.

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как принц спотыкается о корень, словно на бегу. Только на этот раз, когда он выпрямляется, его лицо выглядит пугающе бледным.

– Что не так? – спрашиваю я, когда Финли, тяжело дыша, прислоняется к дубу. – Что значит «помочь»?

Но глаза юноши стекленеют слишком быстро, зрачки расширяются, как будто у него сотрясение мозга. Он качает головой и, протянув руку, сжимает мою, когда я подхожу ближе, чтобы поддержать его.

– Мне кажется...

– Финли! – кричу я и едва успеваю подхватить, когда у него внезапно подкашиваются колени. Меня пугает, насколько легко мне удастся его поддерживать учитывая, что принц всего на год моложе меня. Или два, или три. На самом деле, это всего лишь предположение.

– Фин, поговори со мной, – прошу я, и мое сердце бешено колотится в груди, когда его глаза снова теряют фокус, а рука ослабляет хватку на моей. Мы оба опускаемся на лесную подстилку.

– Отпусти его, – умоляю я, склоняясь над застывшим телом, вздымающейся грудью и дрожащей восковой кожей. Тревожные колокола звонят у меня в голове, громко, как часовая башня, отбивающая час, и вместе с ними возвращается покалывание в моей сердцевине. Нити онемения охватывают конечности. Мех на спине, а затем перья по всему телу – мое тело разрывается между порывом спрятаться и желанием убежать подальше от этой сцены, которую я никак не могла предвидеть.

– Пожалуйста, только не он.

Я с удвоенной силой игнорирую нарастающие звуки скрипящего, стонущего дерева над головой. Слезы наворачиваются на глаза, но я упрямо смахиваю их и качаю головой, не позволяя им упасть. Не позволяю потому что этот день истины всегда был запятнан ложью, так что еще можно добавить к списку? В темнеющем лесу я мысленно повторяю каждую ложь, к которой тянусь, когда кошмары, грязные взгляды, скрытые шрамы и бесконечное отвращение к себе начинают затягивать меня под землю: что моя мать любила меня, прежде чем бросить; что мы с братом не прокляты; что я могу быть хорошей, самоотверженной и достойной любви, несмотря на то, что сделала. Я собираю все воедино, а затем добавляю еще одну ложь к списку: что мой лучший друг, мой единственный настоящий друг, кроме Элоса, не умирает.

Но деревья около меня, листья и ветви, указывающие на Финли, словно выстроенные кругом мечи – все они рассказывают другую историю.

Вторая глава

Финли требуется несколько мучительных, бесконечных минут, чтобы прийти в себя.

– Рора? – хрипит он и медленно моргает.

Я падаю животом на лесную подстилку.

– Не беспокойся, я здесь.

Положив его руку себе на плечо, помогаю ему сесть. Финли некоторое время остается совершенно неподвижным, руками опираясь на покрытую листьями землю, его глаза постепенно проясняются. Он с невозмутимым лицом осматривает кольцо деревьев, склоняющихся к нему.

– Я понимаю, – это все, что он говорит.

Это старое предупреждение, которое пульсирует в моей крови. Его края так знакомо касаются моей кожи. «Вон», – шепчут деревья. – «Прочь».

– Ты хорошо себя чувствуешь, можешь идти? Мы должны доставить тебя домой.

– Рора, – Финли морщится и сопротивляется моим рукам. – Послушай.

Я бы все отдала, чтобы не делать этого, но отвлекаюсь на лес вокруг нас, который уже давно стал неестественно тихим. Ни щебета птиц, ни шелеста листьев на ветру – все звуки исчезли.

– Мне нужно было убедиться, – бормочет Финли, и мое сердце колотится от высоты его голоса, слишком громкого в удушающей тишине. В его голосе нет удивления.

– Ты подозревал?

– Не говори мне, что уж ты – нет.

Я сжимаю губы в тонкую линию. В течение четырех лет я работала шпионом короля Жерара, путешествуя по всему Тилиану и наблюдая за настроениями населения. Прислушиваясь к любым проблемам или моментам недовольства, чтобы сообщить короне, и каждый раз надевая другое лицо. Мои возможности ограничены тремя формами животных, но я могу изменить свои человеческие черты, чтобы соответствовать любому человеку, которого видела раньше.

Эти обязанности изменились несколько месяцев назад, когда люди начали заболевать, и моей работой стало выявление новых случаев. Болезнь проявляется так же, как и бесчисленное множество других в начале: блуждающие боли, снижение аппетита, тошнота, усталость. Достаточно общий анамнез на ранних стадиях, чтобы невозможно было обнаружить магию, укореняющуюся внутри, по крайней мере, в человеческой форме. Мой мышинный нос с легкостью улавливает запах земли и пепла.

Только я никогда не нахожусь рядом с Финли в животной форме.

Мои пальцы сжимаются в кулаки по бокам. По мере прогрессирования болезни, прозрачную агонию становится легко распознать. Помимо нескольких странных случаев, когда у тех, кто пахнет магией, вообще не развивается никаких симптомов. Эти жертвы склонны к приступам бреда, и тогда природа реагирует на них так: притяжение и безмолвие. Поворотный

момент от обычных симптомов к смерти и признак того, что пациенты не протянут и года. Через некоторое время их голоса становятся выше или ниже, жестокие искажения их прежних «я». Хуже того, чувства у них обостряются во много раз: более острое зрение и слух, ощущение вибрации и движения на расстоянии нескольких комнат. Пациенты говорят, что это похоже на ураган, гораздо больший, чем может испытать любой человек, с бесконечной головной болью, стучащей в черепе. перевозбуждение сводит большинство с ума еще до финальной стадии, когда с их языков срывается только бессмыслица.

– Рора, – зовет Финли с улыбкой, приподнимая бровь, когда я не отвечаю. Как будто это я заслуживаю жалости, а не он.

Финли, безусловно, является наименее королевской персоной во всех королевствах.

– Пойдем, – трясущимися руками стряхиваю веточку со своего платья. – Давай выбираться из этого леса. Ты можешь опереться на меня для поддержки.

– Всегда за практичность.

На этот раз я слышу печаль, окрашивающую его голос, и это похоже на иглу, прокалывающую мои легкие.

Без суеты принимая мои протянутые руки, Финли, пошатываясь, поднимается на ноги и на мгновение замирает на месте, прижимая ладонь к виску. Он, только что пришел в сознание и нетвердо стоит на ногах, поэтому мы можем лишь медленно идти пешком. Такой темп вскоре сводит меня с ума. Если бы Элос был здесь, он мог бы отнести Финли к целителям и помочь гораздо быстрее. Но милому Элосу не разрешалось появляться на территории замка или рядом с нашим другом уже больше месяца. Если подумать, то именно с тех пор Финли утратил свою привычную бодрость духа.

Ярость закипает глубоко внутри, быстро превращаясь в страх при мысли о том, как король Жерар и остальная часть двора отреагируют на то, что его младший сын...

Даже в дальних уголках моего сознания я не могу заставить себя сказать это. Но появляются другие зловещие мысли. Ужас быть наказанной и изгнанной за собственные действия, из-за чего нам с Элосом снова придется переезжать. Особенно когда жизнь, которую мы построили здесь, в Тилиане, так близка к стабильности, спокойствию и нормальному обществу. Словно я когда-нибудь сделала бы *что-то*, с намерением причинить боль принцу. Финли, который изучает карты и составляет планы побега, изобретатель бесконечных, воображаемых путешествий, свободных от ограничений. Финли, который раздражается из-за рамок удерживающих его судьбу, так же, как и я. Единственный, кроме Элоса, кто осмелился полюбить меня и не уйти.

Лес колыхается вокруг нас, когда мы возвращаемся по своим следам. Каштаны, дубы и гикори наклоняются, а затем выпрямляются, как только мы отходим на несколько шагов. Это зрелище лучше подходит для долины моего детства, той ужасной дикой местности к западу от реки, где магия все еще процветает на фоне постоянно меняющегося ландшафта. Но не для этих земель, не для этого королевства, где в основном живут человеческие подданные, многие одаренные ушли, и магия, заложенная в землю, лишь тень ее прежнего «я».

Финли, ворча, теряет равновесие.

– Ты дрожишь, – осознаю я, проклиная себя за то, что отвлеклась. Купол тишины все еще окутывает нас, будто природа затаила дыхание.

Он складывает руки на своей узкой груди, обхватив локти руками.

– Со мной все в порядке.

– Не говори глупостей. Тебе нужно лекарство, – я прикусываю внутреннюю сторону щеки, надеясь, что у нас будет больше времени до того, как начнутся последствия бреда. – Территория все еще будет заполнена людьми, по крайней мере в течение часа. Нет никакого способа протащить тебя незамеченным.

– Мы можем просто подождать, пока они уйдут, – Финли пожимает плечами, топчась на месте.

– Или... – я протягиваю руку, чтобы поддержать его. Подумав еще немного, решаю: – Или мы остановимся у магазина Брэна и Томаса. Это намного ближе, и этот район сейчас уже должен пустовать.

– Брэн и Томас будут в замке, как и все остальные, – говорит Финли легким тоном притворного невежества.

Я переносу свой вес на другую ногу.

– Но не их ученик.

Финли тут же качает головой.

– Ты, должно быть, видел, как это работает, – настаиваю я. – Чем больше ты позволяешь температуре тела повышаться, тем больше вероятность того, что у тебя начнется еще один приступ.

– Я буду в порядке, пока толпа не разойдется.

– А если нет?

Финли ковыряет траву носком ботинка.

– Ты знаешь, что Элос мог бы помочь, и мы могли бы оказаться там намного быстрее. Пожалуйста, Финли.

Визит к моему брату будет означать неподчинение приказам короля Жерара. Ни один из вариантов не хорош, но я боюсь, что рискнуть и дожидаться еще одного приступа будет еще хуже.

Я могу только надеяться, что король Жерар почувствует то же самое.

Финли, наконец, разжимает руки, и напряжение отчасти покидает меня.

– Спасибо.

Спуск по оставшемуся участку леса не занимает много времени. К счастью, звук врывается и сметает жуткую тишину, как только мы проходим линию деревьев и пересекаем травянистую полосу, обнимающую внешний край Роанина. Финли ничего не говорит, когда я меняю свою внешность; хотя я обязана поддерживать свою естественную форму на территории замка, чтобы меня могли узнать и, следовательно, привлечь к ответственности. За пределами замка я могу выглядеть как захочу. Трансформация – это простой способ представиться человеком, которым я хочу стать, и приблизительно скопировать его или ее тело. Волосы завиваются и удлиняются до самой талии; узкие темные глаза сменяются карими, как у лани; мое типично высокое телосложение становится на полголовы ниже. Я извлекаю материю из воздуха и направляю ее на свою кожу, глаза, кости, пока все не онемевает и трансформация не завершится.

Хотя ничто в моей естественной форме не отличает меня от человека, однако изменять лицо, когда я хочу, стало само собой разумеющимся. Всегда безопаснее иметь маскировку, если что-то пойдет не так. На протяжении большей части истории Алемары одаренные и обычные люди жили вместе в мире. Лесные странники поощряли процветание лесов, а заклинатели держали диких животных подальше от домашнего скота благодаря своей силе убеждения. Людям нравилось наблюдать, как оборотни меняют форму, и они хотели бы обладать подобным даром.

Но с тех пор, как проклятое Предсказание отклонилось от своего обычного курса, напряжение между одаренными и остальными накалилось до предела. Тилиан, возможно, не зашел так далеко, как его сосед на крайнем севере, где король Эрадайн превращает страх в закон, но атмосфера здесь стала настолько напряженной, что большинство одаренных все равно ушли, так как не желали жить скрытно и устали от уличных драк и оскорблений, от новых подозрений и многовековой человеческой ревности, смешивающихся во что-то более отвратительное и опасное.

Большинство переехали на другой берег реки, в Западную долину.

Элос и я не имеем права возвращаться.

Входя в город, я морщусь нос от внезапного натиска городского воздуха позднего лета, более затхлого, чем лесной бриз, и слегка пахнувшего лошаадьми, которые прогуливаются по широким улочкам после рассвета. Это облегчение – обнаружить, что на площади торговых домов и местных ремесленных мастерских действительно необычайно тихо. Финли идет, ссутулив плечи и засунув беспокойные руки в карманы, пока я веду его по ряду боковых улочек, часто таких узких, что сапфировое небо над головой сужается до нити. Вокруг нас красновато-коричневые и серые здания притаились в безмолвном ожидании, плотно окруженные своими непроницаемыми кирпичными и гранитными панцирями. Я заставляю нас двигаться быстрее на случай, если кто-нибудь из любопытных горожан выглянет из своих окон.

Мы поворачиваем, и аптека наконец появляется в поле зрения. Ее деревянная дверь закрыта, но я все равно дергаю за ручку. Заперто.

– Элос, – шепчу я, глядя на окно второго этажа. Сейчас он живет там, в тесной квартире над магазином, бывшей резиденцией Брэна и Томаса до того, как они поженились и переехали в более приятное место. Никто не выглядывает. *Элос.*

Рядом со мной Финли слегка шаркает ногами, украдкой оглядываясь через плечо, затем смотрит на дыру в своем пыльном черном костюме, затем на камни под ногами. Куда угодно, лишь бы не на дверь.

У нас нет на это времени, и я начинаю стучать кулаком.

За стеной слышится шум. Дверь распахивается, и появляется Элос с темными, сильно растрепанными волосами, которые доходят ему почти до плеч.

– Чем я могу вам помочь? – спрашивает он, теребя пальцами верхнюю пуговицу на том, что когда-то было накрахмаленной белой рубашкой. Я хмурюсь при виде изношенной ткани; его зарплата намного меньше моей, но он отказывается принимать от меня деньги, сколько бы раз я их ни предлагала.

Прежде чем я успеваю ответить, он ловит взгляд Финли и замирает.

– Привет, – говорит Финли, и его голос звучит гораздо спокойнее, чем можно предположить по его шаркающей походке.

Элос смотрит в лицо другу, которого не видел больше месяца, а затем переключает свое внимание на незнакомца рядом с ним. Бормочу свое имя, чтобы подтвердить, что это я. Половицы скрипят, когда мы втроем входим в освещенный лампами магазин.

Стойка делит дальнюю часть помещения пополам, охраняя вход в узкий коридор с рядами кабинок по обе стороны от него. Мой брат запирает дверь, пока я обращаюсь в свою естественную форму, возвращая коричневые волны, оливковую кожу и рост, который мы оба разделяем. Финли подходит к прилавку и поднимает еженедельную брошюру.

– Немного легкого чтива? – догадывается он с кривой усмешкой, разглядывая мятый пергамент.

Его лицо смотрит с листовки вместе с лицами его отца и брата с сестрой на семейном портрете, воспроизведенном рядом с центральной страницей.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает Элос, откладывая ответ на предыдущий вопрос. – Что-то не так? Почему ты не на церемонии?

– Мы пошли прогуляться в Древний лес, – отвечаю я, и Финли поджимает губы, как будто я его предала. – У него был приступ, и теперь его лихорадит, – я делаю паузу. – Я видела это, Элос. Притяжение и безмолвие.

Мой брат пристально смотрит на Финли.

Призрачная агония. Неизлечимая. Убийственная. Исход, о котором никто не хочет говорить, висит над комнатой, как вуаль.

– Оставайся здесь, – инструктирует Элос, прежде чем исчезнуть в узком коридоре. Финли чешет затылок, лениво обходя чисто выметенный периметр. Мгновение спустя мой брат снова появляется с туго затянутой матерчатой сумкой в руке.

– Садись.

Финли опускается на плетеную скамью, стоящую у стены, в то время как Элос достает из сумки скрюченный стебель, отрывает два пятнистых зелено-фиолетовых листа и кладет их в ступку на прилавке. Я прислоняюсь к расписной стене напротив принца.

– Какие еще симптомы? Усталость? – интересуется он, хватая пестик какого-то растения в одном из шкафчиков.

Финли пристально наблюдает за его работой.

– Разве это имеет значение?

– Какие симптомы? – повторяет свой вопрос Элос, не сводя взгляда с листьев, которые перемалывает. – Что-нибудь болит?

Звук скребущего по камню камня наполняет пахнущую лавандой комнату.

– Мои ноги, – наконец признается Финли.

Теперь моя очередь выглядеть преданной. Он никогда не говорил мне, что ему больно. Мою кожу покалывает, когда я думаю о темпе нашей ходьбы, который я задала, чтобы добраться сюда.

Я даже не спрашивала, тяжело ли ему.

Но с другой стороны, Элос всегда был лучшим из нас. Когда король Жерар дал аудиенцию через неделю после смерти своей жены, его бесхребетные советники рассказали о зловещих обстоятельствах нашего прибытия и настаивали на казни или изгнании. Король предпочел милосердие страху, отказавшись наказывать нас за отсутствие явного преступления. *«Это испуганные дети, – я помню, как он говорил, устало проводя рукой по лицу. – На какой вред, по вашему мнению, они способны?»* К едва сдерживаемому возмущению присутствующих в тронном зале, он затем предложил нам работу и только одну, поскольку наше совместное присутствие в суде было достаточно спорным, чтобы подвергнуть нас опасности. Одна работа, означавшая еду, деньги и все остальные преимущества, которые дает пребывание в милости у короля.

Элос посоветовал мне согласиться на эту должность. Именно так. Вот такой он человек.

Поэтому я и заступила на этот пост.

Вот такой я человек.

Превратив листья в мелкий порошок, брат добавляет смесь в стакан с водой и подходит к Финли, который пристально за ним наблюдает.

– Выпей это, – говорит он, присев на корточки перед плетеной скамейкой.

Финли берет стакан двумя руками, отводя взгляд от Элоса. Его дискомфорт раздражает меня изнутри. Я потираю руки и начинаю расхаживать по комнате.

– Твой отец не обрадуется, что ты пришел сюда за помощью, – тихо говорит Элос.

Я бросаю взгляд на Финли, внезапно пожелав, чтобы он умолчал о том, что это было моей идеей.

– Думаю, на этот раз он простит меня, – отвечает Фин, и его взгляд смягчается.

– Полагаю, недостаточно, чтобы снять запрет.

Тишина нависает в комнате с таким острым и удушающим напряжением, что я практически чувствую его на вкус. Финли, возможно, с легкостью может притворяться невежественным, но мой брат всегда был воплощением серьезности.

– Мне жаль, Элос, – пожимает Финли плечами. – У меня связаны руки.

– Не извиняйся. Это не твоя вина.

Элос берет пустой стакан и убирает его за стойку, а Финли изучает линии своих ладоней. Хотя я страстно желала, чтобы все вернулось на круги своя, когда между нами не было никакой

неловкости в разговорах, я вдруг обнаружила, что мне хочется оказаться где-нибудь еще. Дело не в том, что король Жерар, похоже, наконец поддался подозрениям двора. Хотя мысль о том, что мой брат и его руки целителя могли когда-либо причинить кому-то вред, абсурдна. Это удушающее осознание того, что Финли, человек, настолько готовый пренебречь правилами, что пропустил бы чтение Предсказаний, не предпринял никаких попыток нарушить эту традицию.

– Тебе нужно идти домой, – наконец произносит мой брат. – После чтения город всегда превращается в сумасшедший дом. Все идут напрямком в таверны и на улицы ради эля и сплетен. Это небезопасно для тебя.

– Зато звучит весело, – протягивает Финли, прислоняясь головой к стене и закрывая глаза. – И люди любят нас. Держу пари, они были бы рады этому зрелищу.

Мы с Элосом обмениваемся взглядами. Даноферы, возможно, все еще сохраняют большую часть благосклонности своего народа, но военный налог короля Жерара в последние месяцы довольно сильно ударил по фермерам и даже торговому классу. Медленное исчезновение магии к востоку от реки, возможно, сделало здешние земли более тихими и предсказуемыми, но в результате почва, несомненно, пострадала. Тилиан в основном сельскохозяйственная страна, и поля не такие плодородные, как раньше. И хотя армия имеет хорошую репутацию, обеспечивая своим солдатам хорошую жизнь, бывает трудно убедить тех, кто еще не поступил на службу, в необходимости тратить и без того ограниченные доходы на оружие и снаряжение, а не на одежду и еду.

Не в первый раз мне хочется, чтобы радость Финли в изучении народа распространялась больше на настоящее, а не только на будущее.

– Мое мнение не изменилось, – утверждает Элос. – Тебе потребовалось бы несколько часов, чтобы пробиться сквозь толпу. Что, если у тебя начнется еще один приступ?

Финли молчит.

– Мы вернемся через Древний лес и переждем, – говорю я. – Теперь, когда ты вылечил лихорадку.

– Зануда, – ворчит Финли, но не возражает.

Вероятно, он тоже знает, что беспокойство моего брата вполне обоснованно. Несмотря на усилия короны остановить панику среди людей, распространение таинственной болезни заставляет всех нервничать. Увидев принца с такими симптомами, мы только разожжем пламя страха.

– Я возвращаюсь с тобой, – резко произносит мой брат, глядя на меня, а затем снова на Финли.

Глаза Финли резко открываются, и мое сердце замирает.

– Элос!

– Королевские целители – идиоты. Я должен быть тем, кто ухаживает за тобой, – он делает один шаг вперед, а затем останавливается. – Давай, Фин. Они не знают, что делают.

Никто не знает, что они делают, потому что никто не знает, как это исправить.

– Ты все еще просто ученик, – мягко напоминаю я ему. Я прибегаю к аргументам, которые, как мне известно, приведут целители в замке, даже если король Жерар решит снять запрет. – У тебя недостаточно опыта.

– Мне удалось сохранить нам жизнь, не так ли?

В этом заявлении нет ни горечи, ни обвинения. Только правда.

– Это другое, – бормочу я.

Он машет рукой.

– Позвольте мне посмотреть, смогу ли я помочь.

– Послушай, ты знаешь его позицию по этому поводу. Предсказание...

– К тому же он принимает Предсказание, – говорит он. – Это ничего не значит. Ты сама так сказала.

Он бросает взгляд на Финли в поисках поддержки, но тот смотрит в сторону.

Когда я замолкаю, Элос подходит к окну и беспомощно прислоняется к выступу.

– Не имеет значения, что мы думаем, – наконец говорит Финли, проводя рукой по шее. Лихорадочный румянец сходит с его щек. – Суд опасается Предсказания, и мой отец не застрахован от давления, которое они оказывают на него.

Костяшки пальцев Элоса белеют там, где он вцепляется в выступ.

– По крайней мере, позволь мне проводить тебя обратно. Просто дойди до двери, а потом я уйду. Обещаю.

Финли нагибается, положив руки на ноги, и пристально наблюдает за моим братом.

– Пожалуйста.

Хотя я все еще качаю головой, Финли, кажется, поддается мольбе Элоса и опускает подбородок.

– Я могу потерять работу из-за этого, – напоминаю ему. – У меня будет достаточно неприятностей из-за того, что я не доставлю тебя, как обещала. Брат не может пойти.

Я знаю Элоса. Он не любит менять свою внешность, как я.

– Скажу отцу, что все это была моя идея, – говорит Финли, поднимаясь на ноги. – Вместо этого ему просто придется винить меня.

Он улыбается, но за улыбкой скрывается боль.

– Пойдемте.

* * *

После этого ужасного утра, которое мы пережили, прогулка обратно через лес кажется почти подарком. Напряжение в магазине Брэна и Томаса, которое было такое невыносимое от недосказанности, немного смягчается, когда мы выходим на свежий лесной воздух. Элос предлагает руку Финли, который пошатывается, и дополнительная поддержка, похоже, помогает ему. Его лицо постепенно светлеет, и довольно скоро он впадает в самодовольный рассказ о какой-то лошади, на которой он на днях скакал к победе, и о монете, которую выиграл у королевской гвардии, не сумевшей победить его, потому что Финли всегда умел находить уловки.

Как всегда, он притягивает Элоса и меня, как мотыльков к пламени. Независимо от того, отрицает он это или просто отчаянно хочет отвлечься, Элос улыбается и указывает на сомнительную этику богатого члена королевской семьи заключать пари со своим несчастным, перегруженным работой охранником. Фин настаивает, что он просто доказывал силу своего слова, соблюдая их соглашение, и толкает меня локтем в бок, ожидая, что я поддержу его. Я этого не делаю, потому что брат, вероятно, прав, но тяжесть, давящая мне на грудь, все равно ослабевает. Успокоенный дружеским порывом, прежний тон нашего общения временно восстанавливается. Ох уж эти драгоценные мгновения яркого солнечного света и пения птиц на ветру, в которые мы можем притвориться, что ничего не изменилось.

В течение многих лет после нашего прибытия в Роанин Финли общался со мной и моим братом. Почти все не одобряли это, особенно учитывая Предсказание, но никто не стал бы бросать вызов принцу. Поэтому мы втроем провели бесчисленное количество дней, бродя по более диким уголкам садов и угодий: рощам красных кленов и платанов, а также кизилковым лесам, усеянным голубыми сойками, а также вокруг ручья, который протекает через тщательно подстриженную траву, частично скрытую тенью гор за ним. Финли увлекается рисованием углем, и иногда он просил меня изменить свои черты, чтобы он мог воспроизвести их на бумаге. Он никогда не просил Элоса трансформироваться.

Те дни закончились несколькими простыми штрихами пера короля Жерара.

Полуденное солнце уже закатилось за горы к северу от города, когда территория пустеет и мы добираемся до потайной двери в стене замка. Фин достает из кармана тяжелый ключ и жестом показывает Элосу, который только что снова не желал расходиться по разные стороны, чтобы он прошел первым. Однако при виде двери мой разум трезвеет, возвращаясь к мрачной реальности. Я смотрю, как уходит мой брат, и чувствую, что мои нервы на пределе.

Впереди северная сторона замка Роанин озаряется светом. Здание представляет собой сложную совокупность наклонных стен и узких башенок, увенчанных шпилями. Комнаты простираются на восток и запад, охватывая обширное внутреннее пространство, на освоение которого у меня ушли недели. Знамя Тилиана, серый отрез ткани с зеленым дубом по центру, заключенным в широкую пурпурную гору, развевается на ветру на установленном вдоль зубца крыши высоком столбе.

Когда в поле зрения появляется задний вход, виднеется и толпа мужчин и женщин, собравшихся перед ним. Все, кроме одного, одеты в серую униформу с фиолетовыми вставками, отмечающую их принадлежность к королевской гвардии. Мой желудок сжимается, когда я вижу фигуру, возглавляющую толпу.

В шестнадцать лет Фин все еще очень похож на мальчика, но Уэслин, старше своего брата на четыре года, похоже, с удвоенной силой уничтожил остатки своей юности. Теперь он изучает наши нерешительные шаги, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Полная противоположность Финли во многих отношениях: он более выносливый, стойкий, сильный. С ним также сложнее читать, разговаривать, он замкнут до абсурда, учитывая, что мир, кажется, падает к его ногам. В рыбацких гаванях и общественных залах жители Тилиана шепчутся, что один взгляд его красно-карих глаз может придать сил в самые мрачные времена. Но я знаю, что это ложь.

Я видела, как он смотрит на меня.

– Где ты был? – требовательно спрашивает он Финли, но без своего мрачного настроения. Сбросив пиджак, который я видела в нашу последнюю встречу, он идет к нам, и в стороне от охранников, его огромная, жилистая серая гончая по кличке Астра следует за ним по пятам. – Полагаю, ты знаешь, какой сегодня день?

– Я знаю, и мне жаль, – Финли топчется в паре шагов от него, засунув руки в карманы. Наша краткая попытка пошутить подошла к концу. – Мне нужно было кое о чем позаботиться.

– Сегодня? – брови Уэслина недоверчиво выгибаются, когда Астра машет нам хвостом, высунув язык.

Стоя бок о бок, два брата совсем не походят друг на друга. В то время как Финли светловолосый, бледнокожий и голубоглазый, его брат – темный во всем. Распушенные каштановые кудри венчают загорелое лицо, покрытое щетиной. Если Финли – это парус, то Уэслин – корабль. Первый – это вечно текущая река; второй же – дуб, вросший корнями в землю.

– Боюсь, что так, – отвечает Финли. – Ничего не мог поделать. Они ни в чем не виноваты, – добавляет он, когда взгляд его брата падает на нас с Элосом.

– И я полагаю, что ты нуждался в них обоих для этого очень срочного дела.

Я впиваюсь ногтями в ладони и сосредотачиваюсь на том, чтобы расслабить плечи. Контроль – это ключ к тому, чтобы никогда не рисковать несвоевременным переходом из-за эмоций, которые берут надо мной верх. Взаимодействие с Уэслином делает все это слишком заманчивым, чтобы поддаться агрессии рыси.

Элос открывает рот, чтобы что-то сказать, однако Фин быстро отвечает:

– На самом деле, так и есть.

– Тогда что именно ты делал?

Финли делает паузу, а затем слегка пожимает плечами.

– Это низко, даже для тебя, Фин, – Уэслин качает головой. – Правила существуют не для того, чтобы их нарушать.

Даже для моих ушей наказание звучит довольно вяло, словно он осознает тщетность слов, даже когда они слетают с его губ.

Финли, должно быть, тоже это слышит, потому что внезапно воодушевляется и выпрямляется. И вот так просто напряжение между ними исчезает.

– Отец в ярости? – спрашивает Фин с улыбкой. Я просто стою, стараясь не обращать внимания на многозначительные взгляды охранников. Не сомневаюсь, какое послание должно было принести сегодняшнее чтение.

К моему удивлению, уголок рта Уэслина дергается, как будто он действительно может улыбнуться в ответ.

– Ярость – это еще мягко сказано, – отвечает он. – Но только если ты имеешь в виду Вайолет. Отец более... смиренный.

Финли – единственный, кто, кажется, избегает обычной рассудительности и строгости своего брата. Любезность, которую Уэслин больше не оказывает мне.

– Тогда пошли. Давай покончим с этим, – Уэслин разжимает руки. – Ты не должен находиться здесь, – многозначительно добавляет он Элосу. Затем поворачивается ко мне. – И тебе следовало бы помнить об этом.

– Фи... Его Королевское высочество нуждался в моей помощи! – говорю я, желая вырвать снисходительность прямо у него изо рта.

– Ну, он...

Уэслин замолкает, когда Финли начинает раскачиваться. И он, и я рефлекторно протягиваем руки, но первым добегают Элос, хватая его за плечи.

– Ему нужно отдохнуть, – говорит мой брат, совершенно не впечатленный всем этим напряженным разговором. – И настой ивовой коры. Я уже дал ему медный лист.

Финли снова выпрямляется с явным усилием.

– Элос...

– Мне жаль, Фин, но он должен знать. Это призрачная агония, – говорит он Уэслину вполголоса с болезненно-мрачным выражением лица.

Слышать это вслух – все равно что снова наблюдать, как Финли падает в обморок в лесу. Мгновенно и навечно. Не оглядываясь, Уэслин поднимает руку, чтобы остановить поток охранников, которые двинулись вперед, когда Элос поймал Фина. Он не критикует моего брата за отсутствие формальностей. Не говорит ему, чтобы он отпустил. Принц просто стоит там, не двигаясь, уставившись на Финли.

– Ты уверен? – спрашивает Уэслин после бесконечного молчания, обращаясь непосредственно к своему брату.

У меня вновь начинает болеть сердце, когда Финли ничего не говорит, просто опускает взгляд в землю.

Это, наконец, кажется, побуждает его брата к действию. Уэслин начинает резко выкрикивать приказы, уводя Финли от поддержки Элоса. Принц растерянно начинает возражать, но затем останавливается и уступает толпе охранников, которые окружают его еще до того, как мы успеваем попрощаться. Руки Элоса опускаются, и я делаю движение, чтобы последовать за ним, но чей-то локоть сильно бьет меня между ребер.

– Назад, – рычит Симеон, один из самых уважаемых членов королевской гвардии, будто я не лучше собаки, путающейся под ногами. Словно я только что не спасла третьего ребенка Его Величества.

Я снова покачиваюсь, и мои ногти впиваются в ладони.

– Оборотень.

Это слово приковывает меня к месту. Я встречаюсь с каменным взглядом Уэслина, от которого огонь лижет мои вены. «*Рора*, – хочу я сказать. – *Меня зовут Рора*». Это одна из

немногих правдивых вещей, уверенность, за которую я цепляюсь в своей жизни, где ничего нельзя предугадать.

– Мой брат больше не нуждается в вашей помощи. Не покидайте территорию. Мой отец придет за вами завтра, как только эмиссары отбудут.

Он знает. Каким-то образом король Жерар знает, что я подпустила Элоса к его сыну, и скоро узнает, что его сын умирает. Мы вдвоем, как и предупреждало Предсказание.

Обычно я могу отмахнуться от этого взгляда Уэслина, говорящего, что я яд, который он намерен вытащить. Но прямо сейчас у меня болят ноги, и мои мысли становятся мрачными от изнурительной череды утренних событий, и я понятия не имею, может ли наказанием за неповиновение приказам короля быть увольнение со службы. На этот раз выражение лица Уэслина показывает все, что он намеревается сделать. И это еще больше ранит меня.

Он поворачивается к моему брату, и на его лице нет ни единого признака благодарности или беспокойства о нашей судьбе. Неспособный или не желающий видеть в Элосе или во мне что-то большее, чем кровь оборотней.

– Приказ моего отца был ясен. Убирайся. Сейчас же.

Элос остается неподвижным и смотрит на меня, желая, чтобы я возразила.

В затылке нарастает давление. Усталость и воспоминания. Травма и время. *Иди*. Это тихое, протяжное слово, слепок, который формирует мои кости. Мне было пять, а моему брату шесть, когда ночью пришли люди и сожгли нашу деревню дотла. В ту ночь, когда наша мать обрекла нас на верную смерть. «*Иди!*» – кричал он после того, как она убежала и спасла себя, когда мужчины обнаружили наше укрытие. Но я подвернула лодыжку и не могла бежать, поэтому он превратился в лося и понес меня на спине в безопасное место.

Это был первый раз, когда мой брат превратился в животное, его первую из трех животных форм, которые все оборотни приобретают на протяжении жизни в дополнение к способности изменять наши человеческие черты. Последнее у нас есть всю нашу жизнь, но животные формы рождаются инстинктом только в момент величайшей нужды.

Второе животное Элоса – лиса. Она появилась позже, когда я испытывала ужасный голод, билась в лихорадке и цеплялась за жизнь. Его третья форма еще не проявилась, но первые две он использовал для того, чтобы помочь мне.

Когда я встречаюсь взглядом с братом и вижу, как боль выплескивается на поверхность, мне хочется отбросить беспокойство о своей работе и защитить его право быть здесь, убедить его, что Финли поправится и что все вернется на круги своя, а это тяжелое время пройдет.

Но мы не можем возродить прошлое, так же как не можем избежать его. А мы с братом выше пустых обещаний.

– Прости, – шепчу я, прежде чем повернуться и направиться домой.

Как бы я хотела быть такой же самоотверженной.

Третья глава

Трудно не чувствовать себя заключенным, когда на следующее утро я следую за капитаном королевской гвардии Торресом по коридору без окон. Установленные масляные лампы мерцают вдоль гранитных стен, пространство под ними окутано тенью, в то время как звук наших ботинок отражается от похожего на каменоломню помещения, словно в насмешку над моими нервами. Когда низкие потолки начинают казаться слишком тесными, я провожу рукой по стенам и снова сосредотачиваю внимание на камне под кончиками пальцев. Здесь холодно.

Король Жерар много раз просил меня о моем присутствии, но не после прямого нарушения его политики или после того, как узнал, что его ребенок заболел. Мрачное выражение лица Торрес и тот факт, что сама уважаемый капитан Королевской гвардии была послана за мной, наводит на мысль, что мне следует начать просить судьбу о хороших новостях, а не о плохих. Однако прямо сейчас мне трудно сосредоточиться на чем-либо. Прошлая ночь принесла мало сна, и мысли в моей голове смешались еще сильнее.

Мы проходим через широкий зал с шелковыми портъерами и свечами, установленными на хрустальных люстрах, затем в смежную прихожую, где служащий вытирает пыль с портретов старых королей и королев, висящих вдоль обшитых деревянными панелями стен. Несмотря на поздний час, шторы на длинных окнах все еще задернуты; как будто замок замкнулся в себе, постепенно становясь таким же тихим, как город за его стенами. Мальчик вздрагивает, когда видит нас, и роняет метелку из перьев так драматично, что это почти смешно, прежде чем резко покинуть комнату.

Капитан Торрес колеблется, прежде чем двинуться вперед. Она обладательница широких плеч под серебряными эполетами униформы, ее темные волосы заколоты, а медного цвета кожа напоминает полированный янтарь. Я только закатываю глаза. Служащие всегда особенно напряжены в дни после чтения Предсказания. После того как король Жерар нанял меня и помог Элосу найти работу в магазине Брэна и Томаса, он приказал служащим замка держать наши личности в секрете; никто за пределами замка не должен был знать обстоятельств нашего прибытия. Хотя этот мандат позволил нам вести относительно нормальную жизнь в Роанине, но сильная напряженность в большей степени, а даже не ненависть, рождала к нам недоверие. Наша история распространилась среди сотрудников замка, как лесной пожар. Я бросаю взгляд на потрескавшиеся портреты, на красный ковер, заглушающий наши шаги, и чувствую благодарность за то, что, по крайней мере, нарисованные монархи не могут убежать, как служащий.

– Подожди.

Капитан Торрес вытягивает руку, как только подходит к двери, и склоняет голову, чтобы прислушаться. Спокойная напряженность в ее поведении всегда напоминает мне инстинкты большой хищной птицы; возможно, рогатой совы или золотого орла. Она способна обнаруживать малейшие помехи с гораздо большего расстояния, чем кажется возможным. Конечно же, за пределами прихожей звуки спора становятся громче, и я не решаюсь представить, какие разногласия могли бы спровоцировать такое нарушение приличий.

– Это...

– Шшш, – машет она рукой. – Это эмиссар Эрадайна. Подожди здесь.

Я с некоторым усилием проглатываю возражение, вертящееся у меня на языке. Очевидно, недостаточно того, что эмиссар не узнал бы меня по моей внешности; Даноферы отказываются рисковать случайной переменной в присутствии иностранца. Но это началось не с Предсказания, разжигающего страх перед оборотнями вроде меня. Эмиссары Гленвэйла и Эрадайна каждый год приезжают в Тилиан на публичное чтение, и каждый раз меня даже не пускают в один с ними зал.

Игнорируя протест капитана Торреса, я выглядываю из-за угла ровно настолько, чтобы увидеть, как мимо пробегают мужчина в красно-синей униформе с золотыми полосками. Мой желудок скручивает от этого зрелища.

Изгнание. Казни. Семьи, исчезающие в ночи. Законодательство, ограничивающее одаренных существ и людей, и слухи о худшем, передаваемые торопливым шепотом среди дикой природы, в которой я выросла. Все истории рассказывали о королевстве на севере, царстве, основанном на страхе, где люди могут стать второсортными по сравнению с теми, у кого магия в крови. Я беспокоюсь, что Тилиан может превратиться в такое место, если напряжение между людьми и одаренными продолжит расти.

Находясь на безопасном расстоянии своего наблюдательного пункта я вглядываюсь, как эмиссар врывается в дальнюю дверь в тот момент, когда взволнованный камердинер открывает ее. Я предполагаю, что переговоры не закончились хорошо.

Эта мысль приносит некоторое утешение, когда раздраженный капитан Торрес доставляет меня в кабинет двумя этажами выше. Я не очень-то хочу, чтобы король Жерар заключил мир с королевством, которое уничтожит мой род до конца.

* * *

Минуты идут, а я стою одна в темном кабинете с деревянными панелями, ожидая прибытия короля. Чем больше проходит времени, тем более поверхностным становится мое дыхание. Он, вероятно, обдумывает, какие слова использует, чтобы отмахнуться от меня, и эта мысль подталкивает к еще большей панике.

Я массирую виски и пытаюсь придумать какое-то подобие плана. Возможно, я могла бы попробовать другую работу в Роанине или даже в другом месте в Тилиане, где никто не узнает нашу сущность и никто не подозревает, что мы – два оборотня, которые связаны с Предсказанием. Но эта работа – самое близкое, что я когда-либо испытывала к стабильному дому и настоящей дружбе. Это шанс отплатить мужчине, который проявил милосердие, и юноше, что проявлял доброту достаточно долго. Это возможность показать им, что они не ошиблись, что я стою того, чтобы быть рядом, что я могу быть хорошей. Это искупление за то, как я подвела Элоса в тот день у реки, и попытка отвлечься от воспоминаний о поступке, который совершила моя мать.

Каждый раз, когда принимаю другой облик, я могу погрузиться в роль и отбросить в сторону взгляд этих безжалостных, преследующих глаз – глаз моей матери, когда они мерцали между нападавшими, открытым лесом и мной. Момент, когда у нее был выбор между своими детьми и свободой. И выиграла свобода. В мои лучшие дни я даже могу притвориться, что глубоко внутри меня нет никакой зацепки, ничего общего с загадочными словами или магией в моей крови, и все это связано с тем человеком, которым я стала. Этот гнев и необъяснимая печаль, которые висят у меня на шее, как своенравный ребенок, упрямый и настойчивый, даже когда у меня вообще нет причин их испытывать.

Я просматриваю книжные корешки, выстроившиеся вдоль дальней стены, в попытке успокоить нервы, затем переключаю внимание на огромную карту, охватывающую стол в центре комнаты.

Это карта континента, Алемары, узкая полоса суши, простирающаяся на север и юг. Огромная бурная река делит континент пополам по вертикали и отделяет Долину от трех государств к востоку от нее: двух королевств, Эрадайн и Тилиан, и от республики Гленвэйл между ними. Первое преследует наш вид, в то время как последняя изгнала Элоса и меня со своих границ, зайдя так далеко, что там распространяли листовки с нашими лицами, нарисованными чернилами. Под иллюстрациями было предупреждение сообщать о любых наших передвижениях. Я стираю Гленвэйл на карте ладонью.

Мой взгляд скользит влево, через Пурпурные горы, изгибающиеся вверх вдоль северной границы Тилиана, затем к западу от реки, к земле с надписью ЗАПАДНАЯ ДОЛИНА. Местность, обладающая собственной волей, движущаяся, захватывающая, ломающаяся, живая, где большинство волшебных существ теперь создают свой дом и, возможно, достаточно пригодный для жизни, если у вас есть люди и защита. Но не для пары детей, пытающихся выжить в одиночку. Даже сейчас одно воспоминание об этом заставляет сердце биться сильнее.

Вцепившись в край стола, я смотрю на точку с надписью КАЭЛА-РИДЖ, круг земли, когда-то ставший стабильным благодаря подарку великанов, где обосновалась моя семья. Одна капелька чернил, чтобы напомнить другим, что там кто-то был, что мы жили там до того, как рейдеры уничтожили нашу деревню и каждого человека в ней, кроме Элоса и меня. К настоящему времени эта часть моей жизни не более чем набор форм и теней в моем сознании. Воспоминания дразнят меня своей близостью, всегда просто вне досягаемости, пока, при случае, мне не удастся выхватить одно из них из далекого ящика. Кучка небольших деревянных строений, построенных вокруг и на деревьях. Мосты, подвешенные между толстыми от возраста стволами, где мы с Элосом обычно подбегали прямо к краю, поворачивая назад только в последний возможный момент. Пытаясь обмануть наши тела, заставляя их думать, что мы упадем, и заставить принять форму птицы. (Моя птица, конечно, прилетит позже – результат другого события.) Глухие удары наших ног по деревянным доскам. Костер, чтобы защититься от зимнего ветра. Окровавленная спина отца.

Я встаю из-за стола и прохожу по комнате, заставляя себя глубоко дышать. Я так и не смогла понять, кто были эти люди и зачем они пришли, и неопределенность сводит с ума.

– Хорошо, что ты пришла, – говорит король Жерар, как только входит в кабинет. На нем темная куртка с фиолетово-зеленой подкладкой, которую он всегда надевает для визитов эмиссаров. Беспокойство усиливается в моей груди, когда я вижу группу, идущую за ним по пятам: капитан Торрес вернулась, ее овальное лицо было бесстрастно, вместе с ней Уэслин и Вайолет. Финли нигде не видно. Хотя Вайолет, как всегда, выглядит безупречно, темно-синяя пуговица Уэслина нехарактерно помята, воротник сдвинут набок, и я задаюсь вопросом, не провел ли он тоже ночь без сна.

Король бросает взгляд на двух стражников, стоящих по бокам от двери и ожидающих приказов.

– Оставьте нас, – приказывает он.

Как раз перед тем, как они закрывают дверь, Астра врывается и плюхается рядом с Уэслином. Затем я остаюсь лицом к лицу с королем Жераром, самым могущественным человеком на южной части континента.

– Садись, пожалуйста, – предлагает он, указывая на бежевый стул с прямой спинкой. – Ты выглядишь так, как будто у тебя была долгая ночь.

Я делаю, как он просит, присаживаясь на край. Вайолет остается рядом с отцом, в то время как Уэслин занимает позицию в дальнем углу. Торрес стоит в дверях, и только тогда я понимаю, что никто из них тоже не собирается садиться.

Чувствую, что мое будущее здесь все больше ускользает от меня.

– Я хочу поблагодарить тебя за помощь моему сыну, – продолжает Жерар. – Финли сказал мне, что ты сделала для него в Древнем лесу.

– Конечно, Ваше Величество.

– И Элос. Он помогал тебе? – спрашивает Вайолет.

Я не позволю себе прогнуться под силой ее взгляда. В отличие от Финли, Вайолет излучает царственность. Это видно по тому, как она держится, величественная осанка в сливовой шелковой рубашке, заправленной в широкие брюки. Это видно по спокойному и расчетливому выражению лица, с которым она сейчас оценивает меня. Это даже в том, как она всегда возвышается над большинством людей в комнате, стрижка выше плеч такая же прямая и строгая, как и ее осанка. Прирожденный лидер, и поэтому я восхищаюсь ею.

Я подслушала разговоры между ней и ее отцом, когда она требовала, чтобы он отослал меня.

– Ну?

– Его королевское высочество был в лихорадке, мэм, – я сжимаю руки перед собой. – Ему нужно было лекарство, и не имелось никакой возможности вернуть его в замок незамеченным. Мой брат лечил его.

– Всю дорогу до двери я это слышала.

Взгляд Вайолет мог пронзить насквозь, но я сохраняю нейтральное выражение лица.

– Он целитель, мэм. Его королевское высочество попросил его прийти.

Она позволяет постоять в тишине еще несколько мгновений. Одна из ее тактик допроса. К настоящему времени я уже знакома с ней, но все равно мне требуется вся моя концентрация, чтобы оставаться неподвижной под пристальным взглядом принцессы, чтобы игнорировать покалывание на коже. Хотя Вайолет еще много лет не унаследует трон, влияние, которое она сохраняет при дворе, растет с каждой неделей. Как только этой зимой ей исполнится двадцать пять и она начнет свое первое сольное турне по королевству, это влияние, несомненно, распространится и на людей.

Она слегка хмурится.

– Рора, – наконец произносит король. – Есть вопрос, который нам нужно обсудить.

Я падаю на пол.

– Пожалуйста, сэр. Не увольняйте меня. Это больше не повторится.

Жерар бросает на меня испытующий взгляд, как будто может прочесть мои эмоции, несмотря на все усилия, которые я прилагаю, чтобы подавить их.

– Уволить тебя? Нет, дитя. У меня есть для тебя задание.

Облегчение. Захватывающее дух утешение, струящееся по моим венам, как ручей по камням. Я никогда не видела, чтобы он лгал.

– Я сделаю то, что вам нужно, сэр, – серьезно говорю ему.

Его улыбка не более чем вспышка, которая появилась и исчезла в одно мгновение.

– Теперь почти каждую неделю мои люди умирают от этой болезни, – он делает паузу, как бы ожидая, не стану ли я ему возражать. – Я надеялся, что наши целители уже нашли противоядие. Но ничего из того, что они пробовали, не сработало, и теперь вы говорите, что мой сын тоже умирает.

Вайолет складывает руки на груди, выражение ее лица ясное, но мрачное. Уэслин смотрит в пол.

– С сегодняшнего утра ситуация стала серьезнее, чем я ожидал. Похоже, молодой король Эрадайна выдвинул ультиматум, – король наклоняется над столом и смотрит на карту. – У нас есть два месяца, чтобы согласиться на его условия или отказаться, и ясно, что наказанием за сопротивление будет война. Тем временем...

– Согласиться на что?

«Изгнание, казни» – вопрос отпал прежде, чем я смогла его задать.

– Это не ваша забота, – отвечает Жерар тоном, который пресекает дальнейшие расспросы. Торрес бросает на меня предупреждающий взгляд.

– Тем временем Призрачная агония распространяется, а целители не приблизились ни к ее излечению, ни к пониманию того, почему есть люди, у которых вообще нет симптомов, – он плотно сжимает губы, возможно, уже жалея о произнесенных словах. – Я не позволю этому мальчишке-королю запугать меня и подчинить, но мы не можем надеяться противостоять угрозе за пределами наших границ, если нас ослабляют изнутри. Если эта болезнь исходит от магии, возможно, в этом и кроется ее противоядие. Есть еще одно средство, которое мы не пробовали, и это наш курс сейчас. Прибегнуть к магии. Звездная пыль.

Я просто смотрю. Потеряв дар речи от его слов.

«Звездная пыль».

Если бы Элос сказал так, то я бы сию секунду рассмеялась ему в лицо. Как бы то ни было, я не могу удержать свою маску серьезности, и члены королевской семьи это явно замечают. Я переступила свои границы и вижу это, но не могу сделать то, о чем они просят. Только не это.

– Ваше величество...

– Я не спрашиваю вашего мнения, – отрезает король Жерар, поднимая руку. – Записи достаточно ясно говорят о ее целебной силе. Что нужно мне, что нужно моим людям – так это действовать, и вы должны действовать быстро. Никто за пределами этой комнаты не должен знать; если Эрадайн прознает, что мы ищем звездную пыль, они воспримут это как отказ еще до истечения крайнего срока. Ты уедешь завтра.

Завтра. Один-единственный восход солнца, пока я не уеду в то место, которое больше никогда не захочу увидеть.

Я замечаю, что он не формулирует это как вопрос.

Даже в своих самых страшных кошмарах я бы никогда этого не предсказала. Целительная сила звездной пыли – это история столь же древняя, как и само творение Алемары, и кажется такой же далекой.

Давным-давно магия была вплетена в ядро земли. Магия, которая росла на протяжении веков, расширяясь и давя из-под земли, создавая серию все более сильных землетрясений. Люди верили, что грохочущая земля – это огромный дремлющий зверь, шевелящийся под ней, но вскоре они поняли, что ошибались. Когда энергия стала слишком огромной, чтобы ее можно было удержать, магия разрушилась в результате взрыва такой силы, что земля раскололась на несколько континентов – в День Разрушения, почти восемьсот лет назад, когда города, дома и семьи были разорваны на части. Когда земля раскололась, то же самое произошло и с магией; сотни тысяч осколков вырвались наружу и пустили корни во всем, что смогли найти.

Часть магии осталась в земле: почве, цветах, горах, деревьях. Остальная вселилась в тела некоторых обитателей этой земли. Со временем те, у кого в крови текла магия, обрели непредсказуемые возможности, как и само волшебство. Люди научились слышать сердца деревьев и выращивать цветы, влиять на землю, разговаривать с животными, превращаться – магические сообщества лесных странников, великанов, заклинателей и оборотней. Животные становились все более странными, смелыми. Например, горные львы с гипнотическими глазами, лисы с крыльями, снежные бараны, питающиеся костями, летучие мыши с опасным ядом и волки-подменыши. Земля тоже изменилась: местность изменилась незаметно, выросли холмы, пещеры рухнули в считанные мгновения. Деревья становились выше и шире, заманивая в ловушку существ своими ветвями, укачивая других на ложе из листьев. И самые мощные нити магии тянулись до самого неба – до звезд.

Да, звездная пыль обладает силой исцелять кого угодно или что угодно, даже на грани смерти. Король Жерар обладает этими знаниями так же хорошо, как и я, так как это общеизвестно в образованных кругах, и я провела много одиноких часов, изучая тексты ученых в биб-

лиотеке королевы. Но сокровище тщательно охраняется, спрятано глубоко в Долине – дикой местности на западе. И нет никакого способа добраться до него, не торгуясь с...

– Великаны. Вы хотите, чтобы я вела с ними переговоры? – мой голос дрожит при этих словах. Древние, волшебные существа, которые подарили лоропинов трем королевствам, прежде чем изолироваться на краю континента. Когда-то люди обладали магией, которая давала им небольшую степень влияния на землю, достаточную для того, чтобы погрузить небольшие участки в сон или изменить их по своей воле, прежде чем эта магия сделала их огромными, пугающими и разными в глазах остальных.

К моему ужасу, король кивнул.

– Они оккупировали Западную Долину намного раньше, чем кто-либо из нас родился, и ты здесь единственная, кто знает, как ориентироваться в этой местности. Мои охранники едва могут ориентироваться в Древнем лесу, – он делает паузу. – Ты уже показала мне, что можешь быть осторожной, и дорога кажется достаточно ясной. Их будет нетрудно найти.

Сама мысль о какой-либо дорожной разметке Долины смехотворна. Поскольку местность часто меняется без предупреждения, многие ориентиры, которые мы с Элосом могли использовать, скорее всего, уже видоизменились или исчезли. Выживание там в одиночку в течение стольких лет едва не стоило нам жизни. Мы были без старших, которые могли бы направлять нас. И не было никого, кто мог бы научить, какие растения содержат яд. Никакой численной силы против хищников, которых нас никогда не учили избегать. Это были годы проб и ошибок, травм и болезней. Место темных воспоминаний и одиночества. Голод, охотники и смерть.

– Мы с братом всегда избегали земли, граничащие с владениями великанов, – осторожно отвечаю я, мой разум отчаянно ищет выход. – Это самая непредсказуемая часть Западной Долины.

– Непредсказуемая. То есть как?

Я удивленно поворачиваюсь к Уэслину. Он всегда старательно избегал путей, по которым я иду, и не уверена, почему это должно измениться сейчас. На самом деле, я вообще не понимаю, зачем он здесь.

– Та земля – это... это место, где магия сильнее всего, – объясняю я, изо всех сил пытаюсь подобрать слова под четыре пары внимательных глаз. Выражение лица Уэслина мрачнеет.

– Но ее можно пересечь, – настаивает король Жерар. – Не так ли?

Смертоносные обвалы, ядовитые лозы – образы заполняют мой разум.

– Я...

Тело Финли зарыто глубоко в землю.

– Полагаю, что это возможно, – наконец признаю я. – Но я же говорила вам, этот участок земли самый опасный в Алемаре. Что, если доставка звездной пыли сюда вызовет аналогичный эффект? Как бы тогда отреагировал Эрадайн или ваши собственные люди?

Мой голос прерывается на последних словах, и я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Старые травмы преследуют меня.

– Пробужденная земля непредсказуема. Древний лес может расцвести новой жизнью, или он может так же легко стать смертельным. Луга могут превратиться в холмы, или трещина может расколоть землю под домом надвое. Растения могут стать настолько ядовитыми, что убьют вас одним своим запахом, – я смотрю ему в глаза, желая, чтобы он понял. – Такая неопределенная будет жизнь, в которой никогда не знаешь, в какой новой реальности ты можешь проснуться... Вы не понимаете, на что это похоже.

– Вы забываете, что в возрождении магии на земле есть свои преимущества, – говорит король Жерар. – Почва стала бы более плодородной, пищи стало бы больше. Мы могли бы открыть новые растения, которые лечат болезни, которые мы обычно не можем лечить.

Он поднимает бровь, а мое лицо горит.

– В любом случае мы можем узнать, на что это похоже, достаточно скоро, со звездной пылью или без нее. Магия, похоже, управляет Призрачной агонией; это только вопрос времени, когда она объявит о своем присутствии в другом месте.

Он обводит взглядом комнату.

– Почему магия пробуждается к востоку от реки сейчас, когда она так долго дремала? Что еще она может оживлять каждую ночь, пока мы лежим здесь, ничего не подозревая, спим в своих постелях? Магия не появлялась у обычных людей на протяжении веков, так что должна быть причина, по которой это происходит сейчас. Она не просто материализуется из пустоты – у нее должен быть источник.

Вайолет издает звук отвращения.

– Это еще одна причина, по которой мне нужно, чтобы ты отправилась к великанам, Рора. Если сердце магии уходит корнями в Долину, возможно, путешествие туда – наш единственный способ найти причину этого возрождения. Если что-то еще происходит, то мы должны быть готовы.

– Но, насколько нам известно, доставка звездной пыли сюда может сделать Тилиан таким же непредсказуемым, как земля за пределами владений великанов! – восклицаю я, вскакивая на ноги.

Напоминание короля о преимуществах все еще звучит в моих ушах, но все, что я вижу, так это местность моего прошлого, которую я постаралась оставить там навсегда.

– Разве это не ускорит падение Тилиана, если в дополнение ко всему остальному ему придется бороться с постоянно меняющимся ландшафтом?

Напряжение, потрескивающее в комнате, почти осязаемо. Торрес заметно перемещается ближе к тому месту, где я стою, поджав губы, как будто мое продолжающееся сопротивление усложняет ее работу. Без сомнения, я высказалась не в свою очередь, но они должны понять. Они должны.

– Без противоядия болезнь будет распространяться, – произносит король Жерар почти отстраненно. – Кто знает, сколько жизней это унесет? Как далеко это зайдет? – он проводит рукой по карте. – Мы не знаем наверняка, будет ли одного присутствия звездной пыли достаточно, чтобы пробудить землю, – это чистое предположение, не более того. Что мы знаем точно, так это то, что это единственный шанс моего народа выжить. Какое значение имеет, изменчивая земля или нет, если моих людей здесь не будет, чтобы испытать это?

Внезапно он выпрямляется, и его взгляд становится жестче.

– Я не хочу наблюдать за тем, как мое королевство падет без боя, и в любом случае у нас нет выбора. После заявления Эрадайна Тилиан должен укрепиться в ближайшие недели. Это включает в себя искоренение этой болезни до того, как она начнет свирепствовать. Риск, о котором вы говорите, – это риск, на который придется пойти.

Все еще не в силах избавиться от ощущения, что он, возможно, обменивает одну угрозу на другую, если моя теория о звездной пыли окажется верной. Однако король прав: если война действительно придет в Тилиан, королевство не может встретиться с ней лицом к лицу, когда солдаты гибнут один за другим.

– Я полностью уверен в твоих способностях, Рора, – продолжает он, удерживая мой взгляд. – И мы сделаем так, чтобы это стоило твоего времени. Четыреста золотых монет.

Образы Долины обжигают меня изнутри, но его слов почти достаточно, чтобы погасить пламя. Четыреста золотых монет.

Это в восемьдесят раз больше, чем я обычно зарабатываю. За такую сумму Элосу можно было бы купить новый, настоящий дом. Это накормило бы нас на целый год. Или позволило бы нам обосноваться в новом месте, не быть на мели, если мы когда-нибудь решим покинуть Роанин. Такие деньги сделали бы нас богатыми – если война или пробужденная магия не разрушат землю первыми.

Четыреста золотых монет.

– Что мы предложим великанам в обмен на звездную пыль? – спрашиваю я, не в силах отрицать, что оплата будет иметь свои преимущества.

– Семена самых старых деревьев из Древнего леса. Уэслин обеспечит их для тебя.

Уэслин?

– Ваше величество?

– Мой сын будет сопровождать вас в вашем путешествии.

Нет, только не он.

Мой взгляд падает на Уэслина. Он не произнес ни слова после нашего краткого разговора, но на этот раз я могу достаточно легко угадать его чувства; он еще не владеет искусством своей сестры полностью стирать чувства. Теперь он смотрит на меня, скрестив руки на груди и вздернув подбородок в ожидании, осмелюсь ли я возражать. Астра кладет голову на его ботинки, как будто уже знает.

«Пожалуйста, – я почти умоляю. – Кто угодно, только не он».

– Я лучше справлюсь одна, – протестую я. И это правда. Уэслин другой, он военный, офицер-стажер, который должен был отправиться в крепость Фендолин, в гарнизон на юге Тилиана, менее чем через год. Принц, родившийся в городе и который даже не заходит в лес, граничащий с его домом. Конечно, он ничего не знает о путешествиях по дикой местности.

Но король качает головой.

– Министр Мерет контролирует единственную переправу через реку, которая там есть, и она держит ее в нерабочем состоянии уже много лет. Она не откроет ее снова ради гражданского лица, – король потирает бороду. – Уэслин обучен вести такого рода переговоры. Он убедит ее пропустить вас обоих.

Министр Мерет. Мне знакомо это имя и ее город на реке – именно там мы с Элосом впервые пересекли человеческую территорию, хотя нам не удалось обеспечить проход ни на одном пароме. Лодки отходили от восточного берега, а не от западного. Гленвэйл – это все, что стоит между Эрадайном и Тилианом, промежуточная точка, которая не дает силе Эрадайна просочиться во владения короля Жерара. Но у меня не осталось любви к этой земле, а желания вернуться тем более. Она уже отослала нас, когда подумала, что мы можем иметь какое-то отношение к Предсказанию; насколько я знаю, в последние годы она, возможно, стала больше симпатизировать политике своего северного соседа.

А если я снова выдам нас?

– Я могла бы...

– Это не подлежит обсуждению. Уэслин пойдет с вами.

«...обратиться в него», – мысленно заканчиваю я свое возражение. Министр никогда не заметит разницы. Хотя я полагаю, что не смогла бы обладать его знаниями, как бы хорошо ни перенимала черты и манеры.

Ясно, что это не имело бы значения, даже если бы я могла выдавать себя за королевскую особу как телом, так и разумом. Жесткие позиции не допускают никаких возражений. Они твердо решили, что он должен пойти.

Я сопротивляюсь единственным способом, на который осмеливаюсь.

– Мой брат тоже пойдет, – говорю я. Уэслин открывает рот, но я качаю головой. – Вы не сможете удержать его на расстоянии. Вы знаете это, сэр, – добавляю обращаясь непосредственно к королю.

Это правда; Элосу нужен какой-то способ помочь Финли, даже если для этого придется уйти с работы. Но это смело, может быть, слишком смело. Король Жерар выдерживает мой пристальный взгляд, без сомнения, обдумывая три наспех нацарапанных слова.

– Их двое? – Уэслин практически выплевывает. – Нет.

– Ты веришь в эту чушь?

Взвешенный вопрос Вайолет удивляет меня.

– Конечно, нет. – Его глаза блестят слишком вызывающе, чтобы это было правдой. – Но ее одной достаточно.

На этот раз ему никто не возражает, и мое сердце начинает бешено колотиться. Мой контроль ускользает. Мне нужен рычаг воздействия.

«Одной достаточно». Я никогда не буду для него чем-то большим, чем «оборотень». Ни для кого из них, кроме Финли и, возможно, короля Жерара, или таких друзей, как Сералин, которые даже не знают моего настоящего имени. И, может так и должно быть. Может быть, собранный вместе набор функций – это все, чем я являюсь. Глаза, нос, пальцы, кожа – все это изменчиво. Ничего из этого не было достаточно, чтобы заслужить их преданность и любовь моей матери.

Нет.

– Я нужен тебе, – он насмехается над моими словами, но я знаю, что они правдивы, и это еще больше разжигает мой гнев. Кроме того, при мысли о моем брате мне пришла в голову новая идея.

– Ты просишь меня рискнуть своей жизнью, отправившись на край континента, чтобы поторговаться с великанами и выяснить, почему магия вновь проявляется. Вы можете настаивать на том, чтобы я пошла, но вы точно не сможете сделать это в одиночку.

Торрес сжимает в кулаке рукоять своего меча, но на этот раз мне все равно, если я зашла слишком далеко. Я нужна им, я *нужна* им, и это знание окрыляет меня.

– Это...

– Я сделаю это. Пойду, – сейчас я разговариваю только с королем Жераром. – Но это главное условие. Мой брат идет со мной.

Он пойдет, и как он будет горд, увидев меня. Путешествие обратно в дикую природу. Пренебрегая собственной безопасностью, сталкиваясь со своими кошмарами ради шанса спасти других.

Элос увидит, какой самоотверженной я могу быть. Вайолет увидит, насколько это полезно. И если мы сможем вернуть звездную пыль и спасти страждущих, действительно спасти их, возможно, суд увидит, насколько они ошибаются в отношении нас двоих. Может быть, все может измениться.

Долина вспыхивает перед моими глазами, и надежда омрачается страхом.

– Согласен, – отвечает король, прежде чем его сын успеет возразить, или я передумаю. – Спасибо, Рора. Мы встретимся у северного входа на рассвете.

Я опускаю голову и снова смотрю на своего попутчика. Его взгляд – пламя.

Дорога будет долгой, и не путь сделает ее такой.

Четвертая глава

Как только я сообщила Элосу новости, он пошел прямо в Древний лес и, превратившись в лося, начал затачивать свои рога об огромный вяз. Отличный способ, чтобы подготовиться, как говорит он мне, но должно быть что-то еще. Следуя за ним по пятам, я опускаюсь на лужайку неподалеку, быстро погружаясь в столь необходимый сон. К тому времени, как просыпаюсь, солнце уже стоит высоко в небе, и Элос заточил каждый кончик рога в смертоносное острие.

Это неправильно. Так неправильно. Элос – хороший. Элос – моя надежда. И вот он здесь, превращающий себя в оружие.

Я этого не вынесу.

– Передай мне этот ботинок, ладно? – просит он, снова превратившись в человека и одеваясь.

Он уворачивается, чтобы избежать приближающегося к нему ботинка.

– Рора.

Это звучит как подношение.

– Элос.

Это слышится как обвинение.

Он убирает несколько прядей волос с лица и хватается ботинок, его движения удивительно расслаблены по сравнению с тем, что было час назад.

– Это хорошая идея. Звездная пыль может спасти его. Всех.

– Но мы принесем ее *сюда*, – возражаю я, поднимаясь на ноги и скрещивая руки. То, что я согласилась, не значит, что мне это должно нравиться.

– Это самое безопасное место, в котором мы когда-либо жили. Что, если оно станет не лучше того, из которого мы сбежали? Из-за нас?

Простое предложение воспроизвести Долину к востоку от реки вызывает запретные слезы в уголках моих глаз, и я быстро смаргиваю их.

Он должен увидеть, что мои опасения вполне обоснованны. Живое существо может вместить в себя столько магии, а звезда? Ее возможности больше, чем у любого существа на земле. Она пылающее пространство, наполненное самой ошеломляющей силой, какая только существует. Это древняя магия, сильная магия, более могущественная, чем любые другие фрагменты, найденные в природе или у животных. Мы видели, на что похожа Долина, где присутствует звездная пыль, и мы видели только окраины.

Элос наклоняется, чтобы завязать шнурки.

– Мы либо пойдем на этот риск, либо позволим Финли умереть. Что ты выберешь?

Мне не нужно задавать ему тот же вопрос, каким был бы его ответ. Он без вопросов поставил бы под угрозу свою жизнь ради Финли. Ставя других выше себя, как всегда.

Бескорыстие требует жертв. Смысл ясен, и я делаю все возможное, чтобы усвоить слова и расставить приоритеты над своими растущими проблемами. «*Больше никаких эгоистичных решений*».

Как только я приняла задание этим утром, король Жерар подозвал меня к карте, где Вайолет провела меня по маршруту, по которому мы должны были отправиться. Во-первых, в Гроуввуд, город в двух днях ходьбы от Роанина, чтобы собрать древние лесные семена, которые Уэслин попытается обменять на звездную пыль; если верить записям, любой, кто торгуется с великанами, должен предложить предмет, символизирующий дом путешественника, который они могут использовать и которого у них еще нет. Оттуда мы поедем на северо-восток, пересечем границу Тилиана и двинемся на запад через Гленвэйл, пока не доберемся до Ниава, города на берегу. Уэслин обеспечит нам проезд на пароме министра Мерет через реку, а затем мы войдем в Долину.

План звучал прямолинейно из ее уст. Даже просто, и король Жерар одобрительно кивнул, когда капитан Торрес предложила несколько рекомендаций. Я просто продолжала смотреть на карту. Круг леса обозначал ЗЕМЛЮ ВЕЛИКАНОВ, выступающую с западного берега Долины. Мое сердце упало при мысли о том, что нужно пересечь эту ненавистную реку, чтобы добраться туда. Дважды, если считать обратный путь.

– Вы будете вооружены? – спрашивает Уэслин так резко, что я удивленно взглянула на него.

– У меня нет никакого оружия, сэр.

Он критически оглядел меня, приподняв брови от моего тона.

– Да, ну, я все равно сомневаюсь, что оно тебе понадобится.

Моя кровь вскипела. Моя самая свирепая животная форма – рысь. Однако это не делает меня непобедимой.

– Расскажи своему брату, что мы обсуждали. Завтра утром мы...

Он замолкает, уставившись на мои руки, вцепившиеся в стол. Я следую за его взглядом и вижу, как мои пальцы стали длиннее, а ногти острее. Я быстро опускаю руки на бедра, оставив на дереве отметины в виде полумесяцев.

Капитан Торрес делает небрежный шаг ближе. Астра начинает скулить, почувствовав перемену в настроении, и на мгновение Даноферы, казалось, задумались: мудро ли отправлять своего второго наследника престола в дикую природу с девушкой, которая может превратиться в рысь.

После этого Торрес добавляет несколько королевских гвардейцев к нашей путешествующей группе.

– Я знаю, что ты хочешь ему помочь, – продолжает Элос. – Мы оба хотим, и это наш лучший шанс.

– Даже если это означает пересечь Долину?

Элос пожимает плечами, его лицо лишено беспокойства.

Я этого не понимаю. Возможно, мне будет трудно расстаться с прошлым, но его решение – притвориться, что этого вообще никогда не было.

– Что, если он умрет, а нас не будет здесь, чтобы попрощаться? – мой последний страх поднял голову.

– Он не умрет, – возражает Элос, теперь уже совершенно спокойно.

Я дергаю за подол своей рубашки.

– Твое вчерашнее выражение лица говорило об обратном.

– Вчера этого плана не существовало. Сегодня уже по-другому.

Я не отвечаю. А просто отворачиваюсь, мое измученное сердце изо всех сил пытается разделить его оптимизм, но все же отчаянно не получается, как бы ему ни хотелось. В наступившей тишине заряженный воздух постепенно сдувается.

– Рора.

Я не смотрю на него.

– Послушай меня, – говорит Элос. – Это может сработать.

Лишь слегка пожимаю плечами.

– Бояться – это нормально.

– И вовсе я не боюсь, – отвечаю слишком быстро.

– Я тоже буду там.

Меня охватывает чувство вины. Городская жизнь всегда подходила моему брату гораздо лучше, чем мне. Ему здесь нравится: работа, люди, шум. Веселые ночи в пабе со случайными друзьями и интрижками, которые знают его только как Элоса, а не как одного из пары оборотней. Послеобеденные часы у нас с Финли, до недавнего времени. Я уверена, что, если бы это зависело от него, мы бы никогда не уехали.

– Я втянула тебя во все это, не спрашивая. Тебе не следовало приходиться. И твоя работа, ты ее любишь. Ты не можешь ее потерять. Что, если...

– Не глупи. Брэн и Томас не могут спорить с королевским приказом, а я слишком хороший ученик, чтобы они не наняли меня снова, когда мы вернемся. В любом случае я тебя не оставлю. Ты не должна делать это в одиночку.

Одиночка.

Образы из прошлого, когда мы с Элосом жили дороге, не имея собственного дома, мелькают в моих мыслях, старый страх все еще достаточно свеж и поэтому жалит без разбора. Постоянно защемленные нервы и покалывание кожи. Грызущая пустота у нас в желудках. Боль, боль и снова боль в ногах, измученных бесконечными походами и временем. И всегда гнетущее чувство от того, что мы можем подарить столько любви, если бы кто-то позволил нам любить их.

Я возвращаю свое внимание к настоящему.

Нужно сконцентрироваться.

– Мне пора, – говорю я, отряхивая грязь со штанов. – Финли хочет поговорить со мной до нашего отъезда.

Элос хмурится, а то, что его не пригласили, еще больше омрачает напряженную атмосферу.

– Это неправильно, – бормочет он.

– Знаю.

– Кстати, я собираюсь достать противоядие для Финли. Король должен позволить мне попрощаться.

Кладу руку ему на плечо.

– Я понимаю.

Элос сердито смотрит в землю дольше обычного, а затем выводит нас из леса, не говоря больше ни слова.

Апартаменты Финли расположены в северном крыле замка Роанин, построенного ближе всего к горам. Это было сделано по его просьбе, потому что Фин всегда тяготел к тому, что нельзя приручить, и восхищался чем-то неукротимым, будь то прелести дикой природы или что-то другое.

Пара горничных, несущих постельное белье, проносятся мимо, когда я пересекаю просторный, выложенный коричневым камнем коридор. Они отводят взгляд, пока не скрываются из вида, а затем шепчутся, думая, что я не слышу – или им все равно. Одна утверждает: это позор, что мои родители не утопили меня, а затем друг друга, когда у них был шанс, и я, полагаю, должна быть благодарна им за эти речи. Я слышала и похуже.

Вход в комнаты Финли за углом. Я еле волочу ноги, когда вижу личного охранника Уэслина, Нейтана, стоящего у двери рядом с вечно тихой Энслей. Оба примерно одного возраста с Уэслином и были его друзьями с детства, по крайней мере, так гласит история. Насколько я понимаю, любой его друг – это явно не мой друг, но прежде, чем я успеваю сменить курс и

вернуться позже, Энслей обменивается взглядом с Нейтаном и проскальзывает внутрь, чтобы объявить о моем прибытии.

Я неловко топчусь на небольшом расстоянии, избегая взгляда Нейтана. Из того, что я знаю, следует, что его визиты в замок Роанин начались в юном возрасте; его отец был хорошим другом королевы Рейнен и, будучи антикваром, активно участвовал в пополнении библиотеки королевы. Энслей, наоборот, всегда молчала о своем прошлом, но я поймала ее на том, что она отправляла часть своей зарплаты в Полдат, прибрежную деревню на южной окраине Тилиана. Ничего компрометирующего ни в том, ни в другом, но, с другой стороны, ни один из них никогда не казался слишком довольным моим присутствием.

Вскоре после этого Уэслин выходит из гостиной Финли.

Судя по длинному мечу, висящему у него на поясе, и небольшим следам пыли, покрывающим его лицо и свободную рубашку, я предполагаю, что он пришел сюда прямо с последнего занятия с мастером оружия. Обучение, чтобы стать офицером еще до того, как он покинет крепость. Мы оба ненадолго замираем, каждый рассматривает другого, пока не появляется Астри и не подбегает ко мне, облизывает мои пальцы и виляет хвостом. Она гораздо дружелюбнее ко мне, чем ее хозяин. Это неожиданное вмешательство, кажется, ослабляет некоторое напряжение между нами.

Бросив взгляд на открытую дверь, Уэслин жестом показывает мне следовать за ним по коридору. Нейтан притворяется равнодушным, когда я подхожу к нему.

– Тебе нравится Финли? – спрашивает он, говоря тихо.

Я прищуриваюсь, пытаюсь понять смысл вопроса, поскольку ответ должен быть очевиден.

– Да, сэр. Очень.

Он кивает один раз, наблюдая за мной настороженно и, возможно, немного печально.

– Он попытается убедить тебя не ехать. Не позволяй ему.

Я, застигнутая врасплох, поднимаю свой подбородок немного выше.

– Рора! – Финли зовет через открытую дверь.

На этом Уэслин уходит, свистом призывая Астри следовать за ним. Я следую за голосом из комнаты.

В дальнем конце обшитой голубыми панелями гостиной с высоким потолком двойные двери в спальню Финли закрыты. Вдоль стен поблескивают полдюжины карт в рамках с цветными иллюстрациями кораблей и змей, гор и звезд. Финли стоит у незажженного камина, уставившись на одну из этих карт, спина прямая и неосознанно царственная, несмотря на повседневную рубашку, расстегнутую спереди.

– Спасибо, Энслей. Вот и все, – бросает принц, не оборачиваясь.

Пыль кружится в лучах солнечного света, падающих на узорчатый ковер. Как только дверь за мной захлопывается, я подхожу к Финли, засунув руки в карманы. Вместе мы молча изучаем старый рисунок.

– Я всегда говорил, что однажды уйду, с обязанностями или без, – голос Финли нехарактерно мягкий. Наполовину завязанный галстук свободно болтается у него на шее, как будто он снова отвлекся на полпути. – Я думаю, что мой отец все-таки добьется своего.

– Не говори так, – упрекаю я. – Твой отец никогда бы этого не захотел.

– Тогда, я полагаю, на этот раз мы с ним пришли к согласию.

– Финли.

Несмотря на все его неоднократные заявления о том, что король Жерар разочарован в нем, я никогда не видела, чтобы его отец относился к нему с чем-то меньшим, чем обожание.

– Твой отец любит тебя.

– О да, я знаю, – он все еще не смотрит на меня. – Он дает мне все, что, по его мнению, я могу пожелать. Сады, лошади, учителя, которые разговаривают со мной как с человеком, а не как с принцем.

Финли делает паузу, чтобы подумать, и морщится.

– Информация обо всех юношах, которые, по его мнению, однажды станут хорошими мужьями.

Я немного смеюсь над его имитацией размеренного голоса короля Жерара, отца средних лет, пытающегося найти пару для своего сына. Затем мне приходит в голову, что, как и у всех стареющих, собственный голос Финли изменится. Рано или поздно голос поднимется или упадет так, что уже не будет похож на его прежний. Станет голосом незнакомца.

У меня резко сжимается горло.

– Но то, чего я хочу, не в его власти дать, и он это знает.

Финли наконец оглядывается, наморщив лоб. И, несмотря на эти слова, я вдруг просто благодарна, что он, по крайней мере, все еще звучит как он.

– Во мне ты можешь увидеть, Рора, постоянное напоминание о том, что всех его усилий недостаточно.

Финли слегка улыбается, когда видит выражение моего лица, затем отмахивается от слов и направляется к подносу с чаем и печеньем, стоящему на столике у камина. Как бы говоря: *«Эй, не беспокойся обо мне. Я просто шучу»*.

Я не покупаюсь на его безразличие, как и не спрашиваю, чего он хочет. Доказательством служат карты вдоль его стен, деревянный корабль на каминной полке, стопки рисунков и любопытство, которое горит в нем, как пламя свечи, пламя беспокойной энергии, побуждающее его руки и ноги к постоянному движению.

– Этого будет достаточно, – клянусь я, отходя от стены. Стоя здесь, в безопасности, в гостиной Финли, мне легче позволить уверенности Элоса укрепить мою собственную. Он сказал, что этот план может сработать, и я никому больше не доверяю, кроме своего брата.

– Мы собираемся найти звездную пыль.

«А потом, – добавляю про себя, – я уговорю твоего отца снять запрет, чего бы это ни стоило». Я видела, как Финли начал возражать во дворе, прежде чем охранники прогнали его. Ему эта разлука нравится не больше, чем Элосу или мне.

Фин качает головой.

– Вы не должны уезжать. Они могли бы найти кого-нибудь другого или просто послать охрану без вас. Я бы и сам поехал, если бы только все перестали относиться ко мне как к инвалиду.

– Они потерпят неудачу. Никто из Королевской гвардии не знает Долину так, как мы.

– Но вы могли бы сначала проинструктировать их. Скажи им, куда идти, на что обращать внимание, – он машет рукой в мою сторону, отчаянно желая, чтобы я поняла. – Ты и твой брат провели достаточно времени в опасности.

Я слегка улыбаюсь, хотя мы с Элосом всегда ограждали его от худших сторон нашего сиротского воспитания.

– Мы лучше всего подходим для этой работы. С нами все будет в порядке.

– И Уэс...

– Он тоже будет в порядке.

По правде говоря, я не знаю точно, так как люди уже много лет не пересекали Долину. Но что я могу ему еще сказать. Конечно, не то, чтобы ему было трудно руководить своим братом, когда даже мой вид вызывает такую враждебность.

– Хотя, – не могу удержаться, чтобы не добавить, – было бы намного проще, если бы он остался здесь.

Финли чешет затылок.

– Я знаю, вы никогда по-настоящему не ладили, но...

– Мягко сказано, тебе так не кажется?

– Но это потому, что ты его не знаешь, – Финли рвется вперед, как будто я ничего не сказала. – У него есть свои причины быть таким, но ты можешь доверять ему. Я обещаю.

– Я знаю достаточно, чтобы понять, что он мог бы взять у тебя несколько уроков вежливости.

Финли перегибается через спинку стула, его внимание переключается на один из пыльных солнечных лучей. Он некоторое время молчит, прежде чем покачать головой.

– Мой брат намного лучше, чем любой из нас, – бормочет он необычно мрачно, изучая свет. – Поверь мне, Рора. Я должен быть больше похож на него.

Я складываю руки на груди и начинаю расхаживать по комнате, но не успеваю ответить. Это правда, однажды мне показалось, что я увидела проблеск доброты в Уэслине, в тот день, когда мы встретились. Но это был всего один день, едва ли больше часа. Этого было недостаточно, чтобы компенсировать последовавшие за этим годы напряженности.

Тот день навсегда запечатлелся в моем мозгу: грохочущая земля, пробегающая рябью по моим ногам, лающие гончие, чей вой звучал в моих ушах, как смерть. Жало беспокойного прошлого возвращается, чтобы укусить. Не землетрясение, а стук копыт, быстро приближающийся к лагерю, где мы с Элосом бездомно сидели на корточках в Старом Лесу. Возможно, другой ребенок закричал бы, но к тому времени я уже давно научилась бояться молча. Поэтому не раздалось ни звука, когда ужас сомкнул свой призрачный кулак вокруг моих легких, его хватка была почти такой же крепкой, как моя собственная.

«Беги, – уговаривал меня Элос. – Вперед. Я догоню».

И я действительно задумалась об этом, ощущая себя настоящей предательницей, но королева Рейнен и остальные королевские охотники на лис уже кружили вокруг нас на своих фыркающих, скачущих лошадях. У меня внутри все сжалось, когда я осознала, что притворяться человеком бесполезно лошади уже выдали нашу природу оборотня.

Я четко помню уверенную осанку королевы и длинные, заплетенные в косы светлые волосы. Помню ее спокойное, задумчивое выражение лица, когда она смотрела, как перья пронзают мою кожу, прежде чем рука Элоса у меня на плече успокоила достаточно, чтобы остановить их. Помню ее беспокойство, когда она спросила, где наши родители, а потом сказала *«Вам не нужно бояться»*. И хотя к тому времени я уже знала, как бесполезно искать утешения во взгляде незнакомца, я почувствовала, как призрачный кулак немного ослабил хватку в моей груди.

Затем лиса, за которой они гнались, вырвалась из укрытия, застигнутая врасплох отчаянными, любопытными лапами бешеных гончих. Испуганные лошади чуть не сбросили своих всадников, и, когда последовавшая паника улеглась, их священная лиса, символ монархии, лежала сокрушенная и растоптанная на земле.

Я наблюдала, как сменялись эмоции на лицах всадников, напоминая волны на берегу: спокойствие превратилось в гнев, любопытство – в неприкрытый страх, и все они, очевидно, были ошеломлены, молча, уставившись на мертвую лису. А затем, к моему ужасу, те, кто носил форму, медленно повернулись к нам с Элосом и потянулись за мечами.

Королева Рейнен остановила их и приказала отправить нас в замок Роанин, чтобы нас искупали и накормили перед аудиенцией с королем Жераром, пока они закончат свою охоту. Тогда даже стражники неохотно прислушались к ее просьбе, явно обеспокоенные нашим присутствием, но именно Уэслин подтолкнул свою лошадь вперед и вызвался сопровождать нас в замок. Уэслин, который тихо спросил меня, как меня зовут, и без осуждения провел нас на кухню, который стоял, шепчась и смеясь с Нейтаном у стены, пока мы с Элосом заламывали руки перед пустым тронном короля Жерара. И когда заплаканный управляющий ворвался в большой зал едва ли не через минуту после короля Жерара, улыбка Уэслина исчезла медленнее всего.

Какая бы доброта, как мне показалось, ни мелькнула в нем в тот день, исчезла в тот момент, когда управляющий объявил, что королева Рейнен упала с лошади и сломала шею. С тех пор его внезапная хмурость стала постоянным атрибутом, которым он владеет как оружием. Если юноша, которого я встретила четыре года назад, все еще там, то он глубоко похоронен.

– Кажется, – Финли проводит рукой по своим тонким волосам, затем опускает ее. – Я тоже не могу отговорить тебя от этого.

Я внезапно подхожу к нему, желая успокоить его.

– Мы найдем звездную пыль, Финли, я обещаю. Мы найдем ее и вернемся. Все мы.

– Я хотел тебе сказать, – вмешивается он, беря мои руки в свои. – Я хотел сказать, если меня не будет здесь, когда ты вернешься...

– Финли...

– Если меня здесь не будет, – повторяет он, отменяя возражение в сторону, – я хочу, чтобы вы знали, как много ваша дружба значила для меня. Ты скажи это Элосу за меня, хорошо? Я хочу, чтобы вы оба научились быть счастливыми без меня.

На этот раз я не могу подавить вздоха отрицания. И по его взгляду все понятно, когда он смотрит на меня. Полный смысла. Уверенный. На мгновение я вижу, каким лидером он мог бы стать, если бы не был самым младшим из троих и совершенно равнодушным к короне.

– Ты будешь здесь, – твердо говорю я, не желая вступать в разговор на смертном одре. – Но почему ты также не позвал на аудиенцию Элоса? Он заслуживает того, чтобы услышать это от тебя самого, и, конечно же, твой отец позволил бы вам еще раз встретиться. Попроси его снять запрет.

Финли отходит и опускается в кресло, устало прижимая ладонь к виску.

– Мой отец ввел запрет по моей просьбе.

Это выходит почти шепотом.

Я просто стою, совершенно ошеломленно уставившись на своего друга. Из всех ответов, которые он мог бы дать, я никогда бы не ожидала такого.

Прежде чем я успеваю ответить, дверь распахивается, и входит Энслей в сопровождении женщины в синем халате.

– Целительница Мэри здесь, чтобы увидеть вас, сэр.

Я впиваюсь взглядом в Финли, требуя объяснений, но он не сводит глаз с людей в дверях. На его челюсти работает мускул. Здесь есть печаль, которую я, кажется, не могу преодолеть, та, которую я вижу отраженной на лице моего брата, но не могу понять, потому что Элос и Финли всегда были двумя сторонами одного листа.

Когда Энслей делает шаг в мою сторону, я понимаю, что нужно идти, и вот тогда Финли наконец возвращает взгляд на меня. Он быстро моргает, и это зрелище запечатлевается в моем сердце как то, что я знаю, что никогда не перестану видеть за закрытыми веками... Я хочу крикнуть ему, чтобы принц взял свои слова обратно, потому что это слишком похоже на печальный конец.

– Береги себя, Рора, – умоляет он, заминка в его голосе вонзается словно кинжал мне в ребра. Его волосы упали на лоб. – И скажи брату... Скажи Элосу, что мой ответ – нет.

Я удивленно моргаю, глядя на него. Ответ – нет. Но в чем заключался вопрос? Я даже не знаю, когда он был задан. Конечно, не во время нашего визита в аптеку, а ведь это первый раз, когда Элос и Финли поговорили больше чем за месяц.

– Финли...

Энслей встает перед ним, загораживая мне обзор, и у меня нет выбора. Не говоря больше ни слова, я ухожу, чтобы собрать свои вещи и дожждаться рассвета.

За окном все еще темно, когда я, вздрогнув, просыпаюсь, тяжело дыша.

Моя кожа взмокла от пота, и я отбросила простыню в изножье кровати, задержавшись на несколько мгновений в прохладном, раннем утреннем воздухе. Это была ночь беспокойного сна и кошмаров, которые уже начали терять очертания. Темнота и тишина – бальзам для моих истощенных нервов; возможно, я смогу больше поспать перед путешествием.

Путешествие.

Вдохни. Выдохни.

Первая трель птичьего пения разрывает тишину, и я мирюсь с наступающим днем.

Несмотря на небольшие размеры моего дома, комната обставлена прилично: здесь есть стул, деревянный стол, достаточно большой для двоих, и простенький набор ящиков, увенчанных полками, где хранятся тарелки, кастрюли, посуда и несколько потрепанных книг. В углу напротив кровати есть ванна и крошечный туалет, спрятанный за ширмой, которую я прихватила с помойки. У левой стены стоит небольшая плита. По меркам королевской семьи, явно не так уж много. Но это больше, чем у меня когда-либо было.

Интересно, увижу ли я Финли снова.

Наливаю в ванну нагретую от огня воду и жду, пока она наполнится только наполовину, прежде чем вымыть тело и волосы, чтобы смыть с себя ночь. Рюкзак цвета сосны прислонен к стене неподалеку; я нашла его у своей двери, когда вернулась домой. Внутри лежал шерстяной плащ с капюшоном, темно-серая ткань гораздо более высокого качества, чем та, которая у меня уже была, а также набор продуктов для путешествий: орехи, сыр, какой-то хлеб, сухофрукты и мясо. Я стараюсь не смотреть на это.

Мой желудок сжимается, когда первые лучи света проникают в комнату. Мне бы ничего так не хотелось, как подойти к окну, превратиться в ястреба и полететь, чтобы утешиться равномерными движениями своих мощных крыльев, наблюдая, как существа убегают от тени, пронесшейся по верхушкам деревьев внизу. Знать, пусть и на несколько мгновений, что я самый свирепый хищник в небе. Непобедимый. Рысь – это радость, мышь – нежелательное напоминание, но ястреб-тетеревятник – это, безусловно, моя любимая из трех животных форм.

Однако я не хочу начинать эту миссию с опоздания, поэтому я надеваю темные брюки и оливковую рубашку, зашнуровываю ботинки, хватаю рюкзак и запираю за собой дверь.

Когда подхожу к задней двери северного фасада замка Роанин, Элос уже ждет под древним орешником во внутреннем дворе. Он одет во все черное, на плечах у него новый рюкзак – должно быть, кто-то тоже прислал ему такой. Небо посветлело до бледно-молочного цвета, как будто оно еще не решило, быть ли ему серым или голубым.

– Как там Финли? – он спрашивает без предисловий. – Вчера, когда ты ходила к нему.

Вспыхивает паника, но, к счастью, я избавлена от ответа, когда открывается дверь и выходит капитан Торрес, мрачно кивая в нашу сторону, за ним следуют король Жерар, затем Вайолет и Уэслин, а потом четыре члена Королевской гвардии. Никакой Астры, что бывает редко. И Финли тоже нет. Я пытаюсь проглотить свое разочарование.

Уэслин оделся для путешествия: длинные брюки, облегающая рубашка с закатанными до локтей рукавами, ботинки, которые поднимаются чуть выше лодыжек. Более тонкой работы, чем мой собственный подобный наряд, и, вероятно, будет испорчен к концу путешествия. Сегодня у него особенно мерзкое выражение лица. Интересно, это из-за прощания, которое ему, без сомнения, пришлось пережить, или из-за стоящей перед ним задачи, или просто из-за раннего часа.

Его рот кривится, когда он замечает меня, и я хмурюсь в ответ на его презрительный взгляд. Ему следовало бы знать, что лучше не идти с нами: его присутствие только замедлит нас. Ох, уж это высокомерие королевских особ.

– У вас есть все, что вам нужно? – спрашивает король Жерар, прерывая безмолвную битву.

Я опускаю руки и голову.

– Как и обсуждалось, Нейтан, Энслей, Каролетта и Дом будут сопровождать вас троих в Ниав, чтобы убедиться, что вы прибудете в целостности и сохранности. Как только пересечете реку, скрытность станет вашей величайшей защитой. Вы будете предоставлены сами себе.

Я бросаю взгляд на четырех охранников, которые стоят по стойке смирно рядом с Уэслином: Нейтан благоразумный и амбициозный, один из самородков капитана Торрес, с подтянутой фигурой и красивой темно-коричневой кожей; Энслей тихая и необычайно искусная в обращении с мечом, с длинными рыжими кудрями и веснушчатой белой кожей; Каролетта, бывшая шпионка, ставшая охранником, которая обижается на меня с тех пор, как я заняла ее место; мужественный Дом, столп формальности, с глубоко посаженными глазами, волосами цвета воронова крыла и кислой улыбкой. Никто из них не является союзником, но, за исключением Каролетты. Я полагаю, что могло быть и хуже.

Только Энслей кивает мне в ответ.

– Помните, эмиссар Эрадайна отправится к северной границе тем же маршрутом, что и вы, – говорит Вайолет, складывая руки на груди. Ее бриджи и куртка для верховой езды уже испачканы – она, должно быть, проснулась с рассветом, как и я. – Его карета уехала вчера утром, так что к настоящему времени он должен был продвинуться далеко вперед.

Поскольку ни один экипаж не повезет ни меня, ни моего брата, мы пойдем пешком, как люди, чтобы взвалить на плечи рюкзаки со всеми нашими припасами.

– Но будьте осторожны, – продолжает она, барабанив пальцами по складке на руке. – Слух может быстро распространиться по дороге, и очень важно, чтобы он не пронюхал о вашей миссии.

Я коротко киваю. Учитывая их беспокойство по поводу эмиссара, я не думаю, что один день резкого старта путешествия кажется ужасно долгим, и тонкие сжатые губы Вайолет предполагают, что она согласна. Но король Жерар настаивал, что это все, что мы можем себе позволить.

– Элос, – король смотрит на моего брата и открывает рот, чтобы что-то сказать, затем закрывает его.

Элос, кажется, понимает.

– Мы найдем ее, Ваше Величество. – В его тоне слышится негодование, и дискомфорт пронзает меня изнутри.

Король кивает один раз, в его потухших глазах снова мелькают эмоции. Затем он поворачивается к сыну и кладет руки ему на плечи. Уэслин кладет руки на отцовские. Это кажется слишком интимным моментом для меня, поэтому я бросаю взгляд на замок, задаваясь вопросом, не наблюдает ли Финли из одного окна. «*Я вернусь за тобой*», – даю себе слово. Та ночь за пределами Каэла-Риджа угрожает прорваться сквозь мои ментальные щиты, извергая пламя, крики и пару испуганных глаз, но я заставляю себя сдержаться. «*Я спасу тебя*».

Это обещание. Моя мать его не давала, но я могу.

– Позаботься о нем, пока я не вернусь, – тихо говорит Уэслин, глядя сначала на своего отца, затем на сестру. Вайолет стоит неподвижно и царственно, как всегда, ее глаза прикованы к ним. Но она не приближается.

– Иди спокойно, сынок. – Голос короля Жерара не прерывается на словах; он полон достоинства даже в печали. Тем не менее, видя, как он смотрит на Уэслина, я думаю, что, возможно, на первом месте для него отцовские чувства, нежели королевские обязанности. Еще одна черта, которая заслужила мою преданность. Он кладет руку на затылок Уэслина и заключает его в объятия, и тогда меня охватывает то чувство, которое я иногда испытываю, наблюдая за королем Жераром с его детьми. Это мучительное любопытство к тому, каково это иметь заботливого родителя, который может защитить.

Уэслин высвобождается и обнимает свою сестру. Затем он уходит из замка, оставляя Элоса, меня и охранников следовать за ним.

Я кланяюсь, но успеваю сделать всего несколько шагов вслед за ним, прежде чем меня окликают.

– Рора.

Я поворачиваюсь, и Вайолет смотрит в мою сторону.

– Минутку. Пожалуйста.

Девять пар глаз впелись в меня, когда я возвращаюсь к группе, желудок скручивается от беспокойства. Вайолет кладет ладонь мне на плечо и отводит нас в сторону. Я вздрагиваю от ее прикосновения, от его непривычности, и чувствую, как слегка ггибаюсь в ответ. Она останавливает нас на небольшом расстоянии от остальных и опускает руку.

– Я хочу, чтобы ты знала, что я отложила твое золото. Полная сумма будет сохранена до вашего возвращения.

Легкая рябь отвращения пробегает по моим костям. Как будто я не более чем наемник, и деньги здесь единственный стимул. Я заставляю себя удивленно посмотреть и опускаю голову.

– Спасибо, мэм.

– Мой брат очень упрям, но ему понадобится твоя помощь, – продолжает она, и мое удивление становится искренним. – Присматривай, пожалуйста, за ним. Потерять одного брата было бы достаточно трудно. Я не могу вынести мысли о том, если потеряю обоих.

Я поражаюсь ее честности почти так же сильно, как и тому факту, что она просит меня о помощи. Принцесса никогда не делала этого раньше.

Потом она обняла меня.

В тот же миг мое тело превращается в лед и камень. Я удивленно смотрю на Элосу, отмечая, что мой собственный шок отразился на его лице. Это не может быть реальным, хотя спокойная сила ее рук, обнимающих мои, и ее руки на моей спине кажутся достаточно реальными.

Медленно, как будто они забыли, как это работает, мои руки обвиваются вокруг ее стройной фигуры.

Вайолет быстро сжимает меня, и все кончено. У меня чешутся глаза, но я не позволяю ей видеть, как я плачу. Плакать из-за такой глупости, как прикосновение. В любом случае это ничего не значит. Она не может знать, сколько времени прошло с тех пор, как кто-то, кроме Элоса, обнимал меня в последний раз.

Но я изучаю ее лицо и понимаю, что она точно подозревает, сколько времени прошло. И вдруг осознаю кое-что еще.

Финли – это река, а Уэслин – дуб. Вайолет – это гора.

– Мы вернемся, – говорю я, обещание чуть громче шепота. Вайолет не совсем улыбается, но она кивает, прежде чем скользнуть обратно к отцу. Мне с трудом удастся оторвать ноги, где они приросли к месту, но я заставляю себя идти, шаг за шагом, обратно к группе. Уэслин и Элос. Мои два подопечных.

Выражение лица принца становится недоверчивым, но он ничего не говорит. Бросив последний взгляд на свой дом, Уэслин выводит нас из двора замка.

Пятая глава

Остаток утра мы идем по каменной дороге прямо на север, двигаясь параллельно Древнему лесу, пока не огибаем его край на востоке. Колея достаточно широкая, чтобы телега могла проехать в любом направлении, и более открытая, чем мне бы хотелось. Учитывая, как часто портрет Уэслина воспроизводится в еженедельных листовках, распространяемых по всему королевству, есть вероятность, что прохожие узнают принца в нашей компании, не говоря уже о присутствии четырех королевских гвардейцев в форме. Мы хотим избежать обнаружения, насколько это возможно, особенно в то время, когда эmissар все еще может находиться в пределах слышимости любых свидетелей с развязанными языками, которые так и хотят рассказать о принце в поисках магии в сопровождении двух оборотней, преследующих представителя короля, который ненавидит магию и ждет повода нанести удар. Лучше не позволять слухам о нашем сборище опередить нас.

Мы молча держимся дороги, входя в лес только для того, чтобы спрятаться, когда кто-то появляется на горизонте впереди или позади. Хотя я ожидала, что Уэслин и его свита будут оставаться впереди весь день, я также ожидала некоторого колебания в те моменты, когда нам придется сойти с дороги, учитывая слухи о его отвращении к этим лесам. Я ошибалась. Уэслин только прет вперед, как человек, который намеревается отомстить, обрывая ветки, обходя заросли ежевики, по-бычьему шагая через папоротник и мох.

Несколько раз я хотела бы предложить, чтобы мой брат или я пошли первыми вместо него. В таких случаях нужно много сил, и, в конце концов, мы те, кто действительно знает, что мы делаем. Но каждый раз, когда я пытаюсь свернуть вперед, Уэслин бросается вперед, не уступая дорогу, и один из охранников, обычно Каролетта, преграждает мне путь, положив руку на рукоять. Разочарование в моем сердце готово вырваться наружу.

Что-то слегка ударило мне в спину.

Я поворачиваюсь и слегка улыбаюсь Элосу, но не высказываю предположения. Это игра, в которую мы играли, когда росли в Долине, чтобы развлечь нас, когда слова приходили медленно. Один человек бросает предмет из своего окружения в другого, который затем должен угадать, что его ударило. Когда мой брат впервые придумал это, он посчитал, что это поможет нам познакомиться с миром природы. Я решила, что это просто предлог, чтобы швырять предметы в младшую сестру.

Еще один стук. Каштан. Очевидно. Но мне не хочется нарушать тишину, чтобы не потерять самообладание и оставшийся контроль, поэтому я просто произношу ответ и качаю головой. Элос ухмыляется.

К тому времени, как наступает ночь, я жажду немного уединения.

– Так не годится, – говорю я себе. Это только первый день. Когда мы прошли достаточно приличный путь через запутанный лес, Уэслин объявляет привал, чтобы разбить лагерь, и хотя поляна едва ли больше, чем участок относительно свободной земли, я неохотно признаюсь себе, что этого будет достаточно.

Каролетта, Энслей и Нейтан принялись собирать трут и растопку для костра, в то время как Дом приказывает Уэслину оставаться на месте и ускользает, чтобы разведать периметр. Тенистый лес так сильно потемнел, и то немногое, что мы можем видеть на небе, погрузилось в сумерки. Когда Элос бросает несколько палок и камней в промежутки между деревьями, я сбита с толку его очевидным безразличием к косым взглядам Каролетты или временам, когда Нейтан шаркает на несколько шагов дальше. Я наклоняюсь, чтобы помочь ему расчистить лесную подстилку, мой желудок сжимается.

Очевидно, что все мы чувствуем напряжение из-за сроков, висящих у нас на шее. Отец Уэслина должен дать ответ королю Джоулу через два месяца. Призрачная агония продолжает распространяться все дальше по Тилиану, убивая невинных каждую неделю. И, конечно же, неизвестность о том, сколько еще времени осталось у Финли.

В группе повисла тяжелая тишина. Мы с Элосом заканчиваем и находим места на покрытой листвой земле, в то время как Уэслин во второй раз подходит к трио в форме. И снова они отвергают его предложение о помощи с преувеличенной вежливостью и настаивают, чтобы он вместо этого отдохнул. Как будто мы все сегодня не прошли одинаковое расстояние. Достав из рюкзака мешочек с миндалем, я наблюдаю, как Уэслин проводит рукой по лицу, затем оглядывает окружающие леса, прежде чем сесть на гниющий упавший ствол.

Я несколько мгновений размышляю, прежде чем заговорить.

– Ты же не хочешь сидеть там.

Уэслин пристально смотрит на меня, продолжая рыться в своем рюкзаке, не обращая внимания на сороконожку, крадущуюся по бревну.

– Ваше королевское высочество, – поправляю я.

Он машет рукой в мою сторону.

– Отбрось титул. У нас впереди долгий путь.

Хорошо. Это уже кое-что. Но он все еще не принимает во внимание мой совет. Позади его послушные охранники возмущенно поднимают брови.

– Тебе стоит пошевелиться, – снова пытаюсь я, и мой пульс учащается, когда я снова встречаюсь с тишиной. Хорошо. Пусть он сгниет вместе с жуками.

Но он снова смотрит на меня, как только достает хлеб и сыр из своей сумки.

– Почему?

Я киваю головой в сторону его трона.

– Там, наверное, живут какие-то твари. Мелкие. Жучки.

Уэслин вскакивает на ноги.

Троица отрывается от своей, казалось бы, бесконечной работы и тянется за мечами, как будто они ожидали, что он в любой момент упадет замертво в нашем присутствии. Мне приходится подавлять желание ухмыльнуться, пока он ищет альтернативные места для сидения.

– Изобретательные, не так ли? – вполголоса говорит Элос, толкая меня в плечо и кивая на яму для костра, которая только сейчас обретает форму.

Мой брат прав. Мы могли бы сделать это в два раза быстрее.

Когда Дом возвращается с новой царапиной на лице и все заканчивают трапезу, группа раскладывает свои спальные мешки неровным кругом вокруг костра. Каролетта ловит мой взгляд и делает знак, чтобы отвести несчастье, всегда стремясь показать свою затаенную горечь, в то время как Уэслин достает из рюкзака черную книгу, чтобы почитать при мягком свете пламени. Энслей наблюдает за Нейтаном, а Нейтан наблюдает за Уэслином, и внезапно я не могу вынести мысли о том, чтобы лежать так близко к незнакомым людям.

– Я буду дежурить первой, – объявляю я, хмурясь, когда все смотрят на Уэслина в поисках одобрения.

Уэслин коротко изучает меня, словно взвешивая шансы, что я убью его во сне, затем кивает и возвращается к своей книге. Прежде чем кто-нибудь успеет возразить, я хватаю лом-

тик хлеба, встаю на ноги и занимаю свой пост у дерева на краю опушки, обдумывая предстоящее путешествие.

Я знала, что Уэслин был другого поля ягода, но, понаблюдав за его движениями сегодня вечером, я без труда поверила, что он не ступал сюда годами. Это не сулит ничего хорошего для наших шансов в Долине, ориентироваться в которой гораздо сложнее, чем здесь. Мое сердце начинает учащенно биться, когда образы приближаются: пряди плюща, которые обвиваются вокруг шеи жертвы, игриво сжимаются – пока не раздавят; клумба из трубчатых цветов с красно-фиолетовыми прожилками, заманивающих животных своим тошнотворным запахом и отправляющих их в бесконечный сон. *«Для Финли, – я напоминаю сама себе, пытаюсь контролировать сжимающееся горло. – Мы делаем это для Финли».*

Рядом со мной появляется мой брат, и воспоминания неохотно отступают.

– Держи, – говорит он, подходя ближе и протягивая яблоко. У нас в рюкзаках одинаковое количество еды, и все же он предлагает мне свое.

Я улыбаюсь и размахиваю перед ним хлебом.

– У меня есть свой собственный, помнишь?

Немного погодя он кивает и откусывает немного. Мы замолкаем, глядя на деревья, их очертания постепенно становятся неотличимыми от окружающей темноты. Для большинства жителей Роанина этот лес – место, где рождаются сказки на ночь. Они боятся теней, более глубоких, чем ночь. Но мы привыкли к более диким уголкам мира, и для меня эта темнота привычна. Такая мягкая и теплая. В нескольких шагах позади нас раздается шорох, когда наши спутники устраиваются на ночлег.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, – бормочет Элос через некоторое время. – Насчет Финли.

Я хотела бы дольше скрывать от него правду, но я знаю, что чувство вины будет только продолжать грызть меня, если я этого не сделаю.

– Есть кое-что, что я должна тебе сказать.

Он прислоняется спиной к ближайшему стволу. Ждет.

– Финли сказал мне, что твое изгнание из замка было его делом. Не короля Жерара.

Света остается ровно столько, чтобы я увидела, как у Элоса отвисла челюсть.

– Что?

– Он – причина, по которой его семья больше не пускает тебя. – Мой голос едва ли громче шепота, чтобы Уэслин не подслушивал. – Он также... он просил передать что ответ «нет» и что ты должен понять, почему.

– Он сам тебе это сказал?

Я редко слышала, чтобы Элос звучал так сердито, и я нахожу, что это ничуть не меньше похоже на острые, как лезвие, рога, которые он вырезал перед нашим отъездом. Мое мужество колеблется.

– Почему он держит тебя подальше, брат?

Он швыряет огрызок яблока в мрачный лес и отходит в сторону, закидывая руки за голову.

– Вы поссорились или что-то в этом роде?

Я не уверена, когда это вообще могло произойти, учитывая изгнание Элоса из замка и тот факт, что он и Финли никогда не спорили до этого. Я бы знала, потому что он никогда не посещал территорию без моего присутствия. Может быть, только раз.

Тишина накрывает нас так надолго, что я готовлюсь просить у него прощения – хотя за что, я не могу понять. Элос, наконец, вздыхает, тем самым разрядив атмосферу.

– Можно и так сказать.

Я хочу надавить на него еще сильнее, услышать объяснение, которое опровергает мои растущие подозрения, потому что, конечно, он слишком умен, чтобы влюбиться в королевскую

особу. И все же его голос звучит так печально, что, хотя у меня нет всех ответов, которые мне нужны, я оставляю этот вопрос.

– Тебе нужно немного поспать, – наконец говорю я, слегка касаясь его руки.

Он не возражает, хотя я не уверена, сколько он сможет поспать в своем нынешнем состоянии.

– Разбуди меня через несколько часов. Я сменю тебя.

Я стою, уставившись в пространство, которое мои человеческие чувства больше не могут интерпретировать, пока дыхание позади меня, наконец, не погружается в сон.

Грозовые тучи рассеиваются на следующем рассвете. Как только мы покидаем укрытие леса, проливной дождь заставляет нас с трудом пробираться по грязным участкам, усеивающим дорогу, как созвездия. Смирившись, я отмечаю, как грязь медленно впитывается в мои поношенные ботинки, и закутываюсь в свой новый плащ и свой рюкзак. Шерсть почти задыхается во влажной летней жаре, но, по крайней мере, она на некоторое время отталкивает воду.

Мы добираемся до Гроуввуда в полдень, проходя под широкой аркой, кивнув привратнику, который слегка разинул рот при виде королевской свиты. Поскольку мы пришли только для того, чтобы собрать семена для обмена, прежде чем двигаться дальше, я не могу предсказать, что мы пробудем здесь достаточно долго, чтобы переждать грозу. Мои мокрые ноги уже болят в знак протеста против этой мысли, но мрачное воспоминание о состоянии Финли смягчает дискомфорт. «*Бескорыстие*», – говорю свою новую мантру.

Расположенный между Старым Лесом и подножием Пурпурных гор, Гроуввуд – самый северный город Тилиана и один из самых приятных для работы. Вместо потрескавшихся, ноющих камней Брайрвэнда здесь обсаженные деревьями улицы из утрамбованной земли переплетаются между небольшими темными деревянными зданиями, создавая атмосферу, похожую на прохладу леса. Портные, кожевники, книготорговцы и кузнецы – город ремесленников и специалистов, достаточно, чтобы вести бизнес в Роанине, не тратясь на городскую арендную плату.

К счастью, хотя кто-то и зажег высокие масляные лампы, стоящие вдоль дорог, мрачная погода позволяет нам проходить по главным улицам, не собирая зрителей. Ну, за исключением одного: на полпути я замечаю сидящую полосатую кошку, по-видимому, равнодушную к дождю, отмечающую наше продвижение с жуткой интенсивностью – конечно, слишком много для обычной домашней кошки. Я киваю в знак приветствия, но оборотень, который, несомненно, чувствует во мне магию, поджимает хвост и убегает.

Печаль пронзает мое сердце. Интересно, как долго они были здесь, прячась в своей животной форме.

Магазин с семенами, которые нам нужны, находится в конце улицы на окраине города, на участке, который у меня редко была причина посещать. Из-за него выглядывают высокие сосны; когда мы закончим здесь, наша дорога пролегает прямо к востоку от них. Примерно в трех кварталах от места нашего назначения Уэслин без предупреждения останавливается у антикварного магазина, его окна с тонкими занавесками светятся от масляной лампы внутри.

– Иди внутрь, – говорит он Нейтану, повышая голос, чтобы тот услышал. – Он захочет тебя увидеть, мы справимся сами.

Я снова вглядываюсь в нарисованную вывеску, выступающую из-под навеса. Щелчок. Отец Нейтана, когда-то близкий друг королевы Рейнен.

– Ты тоже, – обращается принц к Энслей, которая изучает Нейтана и кусает губу.

– Если ты уверен, – Нейтан улыбается и хлопает Уэслина по спине, не обращая внимания на неодобрительный хмурый взгляд Дома.

Они с Энслей уже заходят в магазин, принц и другие охранники уходят, когда Элос говорит мне на ухо:

– Я собираюсь заглянуть внутрь.

Я удивленно оборачиваюсь.

Прикрытые большим серым капюшоном его плаща, глаза моего брата казались слегка затуманенными, без сомнения, привлеченные обещанием изношенных переплетов и старых слов.

– А как насчет семян? – спрашиваю я.

– Уэслин получит их, – отвечает Элос. – Есть кое-что, что я хочу сначала поискать здесь. Я ненадолго.

Поскольку я полагаю, что нет реальной причины не расставаться, я киваю и спешу за колонной Уэслина, раздраженная их безразличием к нашему местонахождению. Пара блюстителей закона, гражданских лиц, которые поддерживают мир и сообщают о преступлениях или неосторожностях, изучают мое мимолетное приближение с праздным интересом. Мое лицо начинает покалывать, совсем немного, но достаточно, чтобы вызвать у меня беспокойство по поводу того, что я могу уступить место несвоевременным сменам. Сегодня я не могу позволить себе роскошь прятаться за чужим лицом.

Я нахожу Уэслина рядом с деревянной лавкой с семенами, разговаривающего с Домом и Каролеттой слишком тихим голосом, чтобы разобрать. Они вдвоем кивают и уходят сами по себе, не выходя особенно довольными тем, что он им приказал сделать.

Я догоняю принца как раз в тот момент, когда он открывает дверь.

– Мне не нужна помощь или шпион, – многозначительно произносит он, когда я подхожу к нему.

Очевидно, поскольку ему уже удалось избавиться от всех четырех охранников, хотя я не могу понять, почему. Но в отличие от них, я такая же часть этой миссии, как и он, и не в настроении выполнять приказы, поэтому я игнорирую грубое замечание и следую за ним через порог. Уэслин сжимает руки в кулаки, но больше не возражает.

Войти в магазин – все равно что войти в сам лес. Пространство тускло освещено, и повсюду есть растения, которые толпятся на обшитой деревянными досками земле, ползут по стенам и свисают с потолка. Некоторые из них такие высокие или извилистые, что я не могу найти горшки, в которых находятся их корни. Это невероятно.

Уэслин смахивает виноградную лозу со своего плеча и зовет хозяина.

– Минуту! – кричит глубокий голос издалека.

Я сжимаю лист двумя пальцами, пока Уэслин возится со своим рукавом.

– Ваше королевское высочество, – справа от нас произносит другой, более мягкий голос. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

Уэслин улыбается пожилой женщине, которая вышла через боковую дверь.

– Спасибо, Нэл, но эта просьба требует особого опыта Геонена.

Губы Нэл сжимаются в тонкую линию. Тревога ударяет меня под лопатку, когда я подхожу достаточно близко, чтобы разглядеть легкий изгиб спины пожилой женщины, капельки пота на ее теплой коричневой коже, седые пряди, усеивающие ее темные, заплетенные в косы волосы. Я включила ее в свой последний отчет о пострадавших в Гроуввуде, а это значит, что тремор и потеря сознания могут проявляться у нее.

– Могу я сначала поговорить с вами, сэр? Пожалуйста. Это важно.

Уэслин жестом показывает ей, чтобы она шла впереди, и она ведет нас через боковую дверь в более светлое пространство с окнами, выходящими в сад прямо снаружи. Белокурая, одетая в желтое девушка с белой кожей собирает травы в дальнем конце, но ее руки замирают, когда она видит компанию Нэл.

Не желая, чтобы меня отчитали за то, что я топчусь на месте, я притворяюсь, что интересуюсь одним из шкафов у двери. Ряды банок заполняют полки, их этикетки звучат как лекарственные по своей природе.

– ... третий год подряд, – вполголоса говорит Нэл. – Я пробовала сажать в другом месте, но это бесполезно. Пустая трата времени.

– Нет, – возражает Уэслин. – Вы поступили мудро, попытавшись. Вы обращались за кредитом?

– Это не имело бы значения. Мой бизнес зависит от земли, и вы не можете вести переговоры с грязью.

– Мой брат не согласился бы с вами в этом.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что Уэслин слегка улыбается, хотя его осанка не отражает легкости слов. Ученица Нэл делает вид, что внимательно следит за своей работой, но я не упускаю из виду взгляд, который она бросает на Уэслина, беззастенчиво оглядывая его с головы до ног, когда он поворачивается спиной. Я никогда не была достаточно смела, чтобы рассматривать кого-либо так, находясь в своем обличье. Только когда в украденном теле, когда даже нерешительные поцелуи легче. Безопаснее.

– Что у тебя с припасами?

– С каждым днем их становится все меньше. Здесь много детей, сэр. Они болеют.

– Не только дети, – серьезно заметил принц. Затем он наклоняется ближе, совсем чуть-чуть. – Какая-нибудь конкретная болезнь доставляет вам неприятности?

Я уверен, что его мысли приняли тот же мрачный оборот, что и мои: она выглядит измученной, ее веки немного опущены.

Нэл переносит свой вес на другую ногу.

– Это та самая Призрачная агония, – ее слова приобретают явно неодобрительный тон. – Я ничего не могу для них сделать, кроме как предложить травы, которые лечат симптомы. Как только появляются дополнительные симптомы, то становится хуже, сэр. Больно.

Уэслин кладет руку ей на плечо.

– Мы достаточно скоро найдем лекарство, Нэл. Я знаю, что вы делаете все, на что способны.

– Со всем уважением, вы... – Нэл колеблется мгновение, затем понижает голос еще ниже. – Ни у одного из пациентов, которых я лечила, не было волшебной крови. Короне это не кажется странным?

Ужас растекается по моим венам, когда я снова оглядываюсь, готовясь к ответу Уэслина. По тому, как Нэл говорит, я могу сказать, что это тот вопрос, который она все время хотела обсудить.

– Станным? – эхом отзывает Уэслин, его тон уклончивый.

– Я не единственная, кто обеспокоен, сэр. Это начинает казаться, ну, целенаправленным, если вы понимаете, что я имею в виду.

Она позволяет этому повиснуть в течение долгого времени.

– Ценю вашу честность, – наконец говорит принц. – Однако я уверен, вы понимаете, что мы не можем основывать политику на предположениях.

Я выпрямляюсь от удивления.

– Я бы посоветовал вам развеять эти слухи в будущем. На данный момент нет необходимости беспокоиться.

Его внимание падает на ноги женщины, где она переносит свой вес с одной на другую.

– Вам больно, Нэл?

Она машет морщинистой рукой, явно разочарованная.

– Не беспокойтесь обо мне, сэр. А как же Его Величество? Ваша семья, с ними все в порядке?

– Довольно хорошо, – отвечает Уэслин, ложь слетает с его языка так же легко, как и с любого моего. Подозреваю, так же легко, как и ее. – Я подумаю над тем, что вы сказали о почве. А пока, боюсь, у нас с моей спутницей есть дела, которыми нужно заняться.

Бросив быстрый взгляд на Уэса, я следую за ним обратно в первую комнату, решительно избегая взгляда Нэл. Я слышу, как блондинка быстро шепчет позади нас.

– Ваше королевское высочество! – приветствует принца владелец магазина, как только мы возвращаемся сквозь висячие растения. – Простите меня, я не хотел прерывать.

Моя спина напрягается.

Это не зеленые, похожие на иголки волосы, которые заставляют меня пялиться, и не морщинистая, серо-коричневая кожа, которая, должно быть, отражает кору его домашнего дерева. Дело в том, что он здесь, лесной странник в Гроуввуде, приветствует нас так, словно ничего не случилось.

Оклеветанный собственной коллегой несколько минут назад.

– Как ты, Геонен? – спрашивает Уэслин, любезно улыбаясь. Еще один человек, которого он знает по имени, и это явно одаренный. Возможно, это не должно меня удивлять, но это так.

Геонен вытирает узловатые руки о фартук и кивает в мою сторону в знак приветствия.

– Хорошо, хорошо. Дела идут как обычно.

Я поднимаю брови, но его голос звучит достаточно искренне.

– Как поживает Его величество? Это опять из-за территории?

Уэслин качает головой.

– Нет. Я здесь по другой причине. Мне нужны семена деревьев из Древнего леса, которые больше нигде в Алемаре не растут.

Геонен чешет бровь, которая выглядит как покрытая чешуей сосновая кора.

– Из Древнего леса, да? У меня должно быть немного в задней комнате. Пойдем со мной.

Следовать за ним легче сказать, чем сделать. Магазин простирается дальше, чем я предполагала при первом впечатлении, и широкие листья густо толпятся вокруг нас. Я прохожу через дверной проем в заднюю комнату, когда сталкиваюсь с кем-то маленьким.

– Прошу прощения, мисс, – говорит Геонен от имени девушки. – Моя дочь.

Она молода, вероятно, не старше восьми или девяти лет, с волосами такими же зелеными и игольчатыми, как у ее отца. Она смотрит на меня широко раскрытыми ясными глазами.

Я улыбаюсь ей, теперь вдвойне злясь на болтливый язык Нэл.

– Все в порядке.

– Сорелла, пойдем со мной.

Девочка тихо подходит к отцу, и они вдвоем ведут нас в заднюю комнату.

Здесь прохладнее и гораздо аккуратнее; море растений было заменено несколькими мешками и коробками, стоящими на полках, встроенных в стены. Темнота здесь висит еще гуще, чем в парадных комнатах, и я с облегчением погружаюсь в ее объятия.

К тому времени, как мои глаза привыкают к полумраку, Геонен оценивает несколько матерчатых мешков, быстро взвешивая их на ладони, прежде чем покачать головой и положить их обратно на полки. Сумка, которую он наконец протягивает Уэслину, довольно маленькая, размером примерно с мой кулак.

– Это то, что вам нужно, – говорит он, переводя взгляд с меня на Уэслина, в то время как Сорелла сжимает ногу. – Просто убедитесь, что они сухие и в темноте. Оставьте сумку закрытой, пока не будете готовы их использовать, но я покажу вам сейчас, чтобы вы знали, что получится.

Немного поработав, Геонен расстегивает туго завязанную веревку, которая закрывает верхнюю часть. Затем он протягивает пакет принцу, который осторожно засовывает руку внутрь и берет несколько семян на ладонь. После быстрого осмотра он протягивает их мне. Я не могу понять, почему ему вдруг понадобилось мое мнение или одобрение – может быть, это просто для вида, – но я все равно киваю.

– Возможно, – говорит Уэслин, – учитывая погоду, с которой мы столкнулись, было бы лучше запечатать их еще больше, на всякий случай.

Геонен обдумывает это.

– Ну, с ними должно быть все в порядке, так как Роанин недалеко. Но... – он замолкает и достает с полки маленькую коробочку, откладывая ее предыдущее содержимое в сторону. – Возьми это на всякий случай.

Обменяв коробку Уэслина на семена, Геонен закрывает пакет и кладет его в открытый контейнер.

Уэс достает из кармана несколько монет.

– Спасибо, Геонен.

Глаза мужчины слегка расширяются, и он проводит рукой по лицу.

– Это слишком много, сэр.

Принц держит свою ладонь вытянутой.

– Тогда возьми то, что я тебе должен.

Мужчина берет три из пяти предложенных кусочков и слегка кланяется. Уэслин протягивает две другие девочке, которая осторожно держит их в своих крошечных ладошках.

– За твою помощь, – произносит он, и тень улыбки пробегает по ее губам.

Я киваю Геонену и следую за Уэслином из магазина, разрываясь между зарождающимся замешательством и негодованием. Снаружи дождь превратился в туманную морось.

Странно наблюдать, как он общается со своими людьми, легкость в его осанке так непохожа на жесткость, с которой он носится по замку Роанина. Его забота о них очевидна, и, возможно, я должна уважать его за это или, по крайней мере, быть благодарной за передышку. Но каждый раз, когда он приветствует другого по имени, все, о чем я могу думать, это о том, что он никогда не называл меня по имени с того дня, как спросил, что это было. И почему-то это ранит сильнее, чем если бы он вообще этого не знал.

– Нам не следует задерживаться, – говорит Уэслин, понизив голос, когда мы вышли на улицу. – Мы уедем сегодня днем. Есть кое-что, о чем я должен позаботиться в первую очередь.

– Я могу...

– Один, – добавляет он довольно грубо.

Я складываю руки на груди.

– Знаешь, твой отец тоже дал мне это задание.

– И что?

– И это означает, что я здесь, чтобы помочь. Ты не можешь все делать в одиночку.

– Он просил твоей помощи в Долине, – уточняет Уэслин. – И мы еще не там, если ты не заметила.

Возможно, мне придется убить его, невзирая на мои обещания Финли и Вайолет.

– Просто найди себе другое занятие на час или два, если ты думаешь, что сможешь с этим справиться. Вот, – он вытаскивает из кармана несколько монет и бросая их мне на ладонь. – Считаю, что это аванс в счет вашего платежа. Купи себе новые ботинки. Твои разбиты.

Прежде чем я успеваю ответить, он просто равнодушно уходит. Он стоял ко мне спиной, как всегда.

Я изучаю его отступление с нарастающим гневом.

– Что может быть настолько срочным, что ты должен сделать это сейчас? Что может быть важнее спасения Финли?

Уэслин резко возвращается, и огня в его взгляде достаточно, чтобы напугать меня.

– Нет ничего важнее. Ничего. Я не могу поверить, что ты даже предположила это.

Я редко слышала, чтобы он говорил так сердито.

– Если бы ты действительно так думал, ты бы уехал сейчас, а не путешествовал по городу.

Уэслин тяжело вздыхает, явно стремясь взять себя в руки.

– Приятно знать, что ты так плохо думаешь обо мне, – наконец тихо проговорил он. – Но здесь есть работа, которую нужно сделать до того, как мы уедем, и это тебя не касается.

– Касается, когда мы путешествуем вместе, – настаиваю я. – Мне надоело, что со мной обращаются как с никчемной. Либо это, либо какое-то проклятие. Игнорируй меня сколько угодно, когда мы вернемся, но здесь все по-другому, и я больше этого не потерплю. Как ты там сказал – дорога длинная.

Его глаза сужаются.

– Ты угрожаешь принцу?

Я складываю руки за спиной.

– Ты сам посоветовал мне не ссылаться на титулы.

Уэслин некоторое время ничего не говорит, просто стоит и смотрит на меня. Я заламываю руки, радуясь, что моя спина скрывает их от посторонних глаз. Они дрожат.

– Мы уедем сегодня днем, – говорит он, медленно растягивая слова. – Тем временем...

– Ваше королевское высочество, – прерывает скрипучий голос слева от нас. – Надеюсь, я не помешал.

Мы все тут же поворачиваемся к морщинистому мужчине средних лет, стоящему в нескольких шагах от нас, с покрасневшей белой кожей, испещренной морщинками от смеха. Он улыбается так, словно гончая загоняет лису в угол. Хотя он не одет в красно-синюю форму, я все равно узнаю его лицо с того утра в замке Роанина.

Эмиссар Эрадайна.

Шестая глава

Он меня не узнает. Он не может. Пока я держу свои эмоции под контролем, ничто в моей внешности не говорит о том, что я *оборотень*. Рассуждая логически, я это знаю.

Но быть так близко к человеку из той страны, того места, где, по слухам, смерть и исчезновения бродят по улицам, заставляет мои внутренности сжиматься от страха. Кто знает, сколько семей пострадало от его рук – или, по крайней мере, от руки короля, на которого он работает. Я понятия не имею, как он может это переживать, если слухи верны.

Уэслин застывает рядом со мной.

– Посол Келнэр, – произносит он, кивая. – Приятно познакомиться. – И, к его счастью, он говорит почти так, как будто действительно так думает.

– На самом деле, мне повезло, что я столкнулся с тобой. – Пристальный взгляд Келнэра остается прикованным только к Уэслину, словно у хищника к добыче, и мне ясно, что эта встреча вовсе не случайна. Я отступаю на шаг назад, желая только раствориться в тени. – Я хотел бы спросить, могу ли я поговорить с вами.

– Хотели бы? – уточняет Уэслин ровным голосом.

– Если позволите. Видите ли, вы, кажется...

Келнэр замолкает, когда его внимание наконец переключается на меня. Его глаза расширяются при виде этого зрелища.

Долгое мгновение мы оба смотрим друг на друга. Наморщив лоб, эмиссар выглядит таким же испуганным, как и я. Здесь нет посылного, чтобы перехватить меня, нет стены, за которой можно спрятаться. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы подавить покалывание в плечах, запретные пряди прохлады, дразнящие мою кожу. Мое тело чувствует страх и предлагает несвоевременный побег в виде мыши. *Ссылки, казни...*

Я застегиваю маску на место и придаю своему лицу выражение вежливого замешательства.

– Прошу прощения, мисс, – говорит посол, приходя в себя. – На мгновение мне показалось, что я вас уже видел.

– Ваше послание, господин Келнэр? – продолжает Уэслин, чтобы я не открыла рот.

Посол наклоняет голову и указывает на ближайший паб.

– Возможно, мы могли бы поговорить в более уединенном месте?

Возможно и уединенный было больше похоже на *взмжн* и *уеденен* благодаря хриплому голосу и северному акценту, отличительной чертой которого было сокращать слова. В этом акценте есть что-то смутно знакомое, но я как могу его узнать.

– Возможно, в другой раз, – отвечает принц. – У меня есть дело, которым я должен заняться.

– В такой мрачный день, как этот? Надеюсь, никаких проблем.

Поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как застывает выражение лица Уэслина.

– Мне кажется, что наша позиция совершенно ясна, посл.

Келнэр изображает слащавую улыбку.

– Я сожалею о том, как мы с Его Величеством расстались, это правда. Но вы кажетесь мне человеком, который прислушивается к голосу разума.

– Вы имеете в виду, в отличие от моего отца.

Его улыбка немного дрогнула.

– Я бы никогда не предложил...

– Вы уже сделали это, так что позвольте мне внести ясность. Если вы пришли искать предателя при дворе моего отца, то здесь вы его не найдете. Келнэр выглядит несколько удивленным таким прямым подходом, но Уэслин только скрещивает руки на груди. – Я надеюсь, ваше пребывание было комфортным? Мне бы не хотелось, чтобы вам пришлось путешествовать этим вечером с больными суставами.

Эмиссар нахмурился от очевидного отказа, но ничего не смог с этим поделать. Он представитель, а Уэслин королевской крови. Принц превосходит его по рангу без всяких вопросов.

– Действительно, – неохотно отвечает он. – Всегда приятно вырваться за пределы города для такого... причудливый городок.

Уэслин игнорирует это пренебрежение и пожимает ему руку.

– Тогда с вашего позволения.

Он многозначительно ловит мой взгляд, прежде чем уйти.

Келнэр, кажется, немного поник: выражение его лица кислое. Пока я быстро следую за Уэслином, задаюсь вопросом, как это все меняет. Вайолет сказала: – «Жизненно важно, чтобы он не пронюхал о твоей миссии. Отсюда только одна дорога ведет на север к границе Тилиана – дорога, которую, похоже, теперь придется делить нам с послем. К этому моменту он должен был быть далеко впереди».

Я жду, пока мы не завернем за угол, прежде чем заговорить.

– Что он сделал...

– Не здесь, – говорит Уэслин, и он больше не говорит ни слова, даже не смотрит на меня, пока мы не входим в антикварный магазин.

Внутри теплые запахи кожи и пергамента наполняют уютную комнату, лабиринт с низким потолком из переполненных стеллажей и узких залов, которые, к счастью, кажутся пустыми.

Уэслин проверяет, что поблизости никого нет, прежде чем закрыть дверь и повернуться ко мне.

– Как ты думаешь, он узнал, кто ты такая? – спрашивает он вполголоса, с ноткой отчаяния в голосе.

Не кто, а что. Я складываю руки на груди и пытаюсь не обращать внимания на оскорбление.

– Я не понимаю, как он мог это сделать. Я не собиралась превращаться без причины. Я не дура.

– Тогда почему он так на тебя посмотрел?

Мой желудок покалывает от беспокойства.

– Откуда мне знать?

Уэслин сжимает переносицу большим и указательным пальцами, прежде чем тихо выдохнуть.

– Тогда пошли.

Мы пробираемся между стеллажами к более широкой и светлой дальней части магазина, ступая по полированным деревянным половицам. Элос дружелюбно болтает с мужчиной, который заворачивает небольшой сверток в бумагу за прилавком. Нейтан суетится рядом, слегка хмурясь, пока Энслей не хлопает его по руке и не шепчет что-то на ухо. В это время отец Нейтана – высокий, худощавый мужчина с темно-коричневой кожей, элегантно одетый, в галстуке

и в изящных очках с золотой оправой – громко смеется над словами Элоса. Не в первый раз я поражаюсь способности моего брата общаться с незнакомыми людьми.

Нейтан вытягивается по стойке смирно при нашем приближении.

– Что случилось?

Элос поднимает глаза, его улыбка исчезает, когда он видит нас.

– Ферин, – говорит Уэслин мужчине, игнорируя вопрос друга. – Рад тебя видеть.

– Ты выглядишь усталым, мой мальчик, – произносит отец Нейтана, поднося широкую ладонь к лицу принца. – Всегда такой усталый. Ты слишком много работаешь.

– А ты слишком много беспокоишься. – Улыбается принц. – Я в полном порядке.

– Хм... – уголки рта Ферина приподнимаются. – Ты это слышал? – говорит он, оглядываясь на сына. – Он совершенно здоров.

Нейтан поднимает бровь.

– Он идиот, который не ответил на мой вопрос.

Энслей прислоняется к одному из стеллажей, пристально вглядываясь в лицо принца.

Мы с братом просто стоим там, не зная, как вести себя в этой динамике.

– Я оставлю вас, дети, поговорить, – сказал Ферин, улыбаясь мне, когда молчание затянулось. Он поднимает коричневый сверток. – И я доставлю это туда, где это должно быть, – подмигну, сказал он Элосу и ушел.

Самообладание Уэслина, похоже, пошатнулось в отсутствие Ферина. Он прислоняется к стойке и проводит рукой по лицу.

– Эмиссар Эрадайна здесь. Он перехватил нас.

– Здесь? – воскликнул Нейтан. Энслей смотрит на меня в поисках подтверждения, ее лицо мрачно.

Возвращаясь к знакомому хмурому взгляду, Уэслин начинает расхаживать по комнате, размахивая руками, когда рассказывает об обмене репликами. Элос, Энслей и Нейтан по очереди изучают меня, пока он говорит.

Стараясь не обращать внимания на ощущение, что я в ловушке, я с тоской смотрю в переднюю часть магазина, жалея, что не могу вылететь и встретить день с небес. Может быть, я бы полетела обратно в замок, чтобы проведать Финли, попрощаться по-новому, чтобы стереть из памяти эти быстро мигающие глаза. Или, может быть, я полетела бы дальше на юг, за холмы и заросли орешника, окружающие сердце Тилиана, к скрытым озерам и лиственным лесам, простирающимся далеко к горизонту. Я бы пролетела весь путь до Берейлы, ближайшего континента к югу от нашего. Тропический пейзаж с высокими тропическими лесами и туманными горами, ягуарами и обезьянами, травянистыми степями, в которых гораздо больше человеческих царств, чем в трех Алемарах, – я изучила карты Финли.

Я бы оставила Предсказания этого ужасного континента позади и не обращала внимания на тот факт, что я не знаю, существует ли еще магия в жизни за границей или она давно ушла в прошлое. Торговые отношения и союзы между тридцатью континентами, возможно, когда-то процветали, но три королевства Алемары уже более пятидесяти лет держат свои корабли в тихих гаванях. Их пугает грохот борьбы за власть за рубежом, в которой они не хотели бы участвовать, и союзы, разрушенные между монархиями, слишком боящимися увидеть трещины друг друга, отражающиеся на их собственных фасадах.

– Этот эмиссар и мой отец расстались не по-дружески, – слышу я Уэслина, когда прихожу в себя. – Я бы не исключал, что он может установить за нами слежку.

– Это сделает нашу дорогу еще более трудной, – говорит Нейтан, складывая руки на груди. – Ты знаешь, сколько еще людей путешествуют с ним?

Уэслин отрицательно качает головой.

– Мы могли бы задержаться достаточно надолго, чтобы позволить ему продвинуться вперед. – Нейтан делает паузу, размышляя. – Или уходим прямо сейчас и удваиваем темп.

– Ты забываешь одну важную вещь, – наконец-то произношу я, расстроившись. Хотя они продолжают скрывать от меня условия этого ультиматума, я отчаянно хочу узнать, на что именно король Жерар так неохотно соглашается и связано ли это с дальнейшим ограничением таких людей, как я. – Келнэр, похоже, не был так уж шокирован, обнаружив нас здесь. Кто-то, должно быть, сказал ему.

Меня так и подмывает обвинить Каролетту, но, полагаю, я просто не беспристрастна.

На мгновение воцаряется тишина.

– Это обострит отношения с Эрадайном? – спрашивает Элос, поскольку никто, похоже, не горит желанием называть какие-либо имена.

– Я не знаю.

Уэслин снова качает головой, очевидно, слишком расстроенный, чтобы помнить, что он злой.

– Отчет Келнэра может усилить подозрения Джоула в том, что Тилиан начал мобилизацию.

– Не обязательно, Уэс.

Тихий голос Энслей удивляет всех нас.

– Если бы Келнэр заметил нас дальше по дороге, например, ближе к границе, то у него было бы больше оснований подозревать, что что-то происходит. Но прямо сейчас у него нет реальных доказательств, подтверждающих это утверждение. Он не знает, куда ты направляешься и зачем, или даже что ты вообще собираешься куда-то за пределы Гроуввуда, – она проводит ладонью по своему предплечью. – Он, конечно, не знает, что Элос и Рора – оборотни.

Я удивленно моргаю, глядя на нее. Она назвала меня по имени.

Уэслин хватается за край стойки, лицом к комнате.

– Надеюсь, что ты права. В любом случае, я ясно дал понять, что он должен уехать сегодня вечером. Возможно, нам стоит остаться до завтра, как сказал Нейтан. Дадим ему шанс вырваться вперед.

– Нет необходимости ждать так долго, – говорю я, принимая решение. – Каждый потраченный впустую день – это на день ближе к крайнему сроку, который король Эрадайна установил для Тилиана, и затягивание наших действий не поможет Финли. Если Келнэр поедет по дороге, нам просто придется полностью ее избежать. Мы отправимся к границе через глухую местность и уедем сегодня.

– Но этот опа...

– Элос и я ходили по нему раньше. Это не будет проблемой.

Моя уверенность крепнет перед лицом его сомнений.

Нейтан изучает меня на мгновение дольше, затем медленно кивает.

– Никакой хвост Келнэра не сможет последовать за нами туда. На нас могут напасть, может быть, медведи, волки и койоты, но, по крайней мере, они не обладают магией как в Долине. Это гораздо безопаснее.

Немного странно быть тем, кто составляет план, но остальные смотрят только на Уэслина, ожидая подсказки, и Уэслин не отказывается от моих указаний. Вместо этого он еще мгновение оценивающе смотрит на меня, затем натянуто кивает и хватается за кусок пергамента с рабочего места Ферина.

– Я отправлю письмо в Роанин с вороном, чтобы рассказать отцу, что случилось.

Убедившись, что Келнэр уже уехал, мы покидаем Гроуввуд под золотистой дымкой раннего вечера, петляя между соснами за магазином Геонена и следуя по остаткам тропы, которая, вероятно, использовалась для того, чтобы направлять горожан по безопасной петле через лес. Теперь она ни к чему не ведет, настолько заросла, что почти неотличима от окружающих сорняков. Однако мы с Элосом уже использовали этот путь раньше, так что он служит нашей отправной точкой в дикую природу.

Это четырехдневное путешествие через глухую местность до границы с Гленвэйлом.

Мы проводим дни в основном в тишине, пересекая склоны у подножия Пурпурных гор. Справа от нас, насколько хватает глаз, простираются луга, и красивые цветы покрывают извилистую землю: эхинацея, кореопсис, сорняк-бабочка и голубые, окрашенные рассветом полотна из блестящих розовых, желтых, оранжевых и пурпурных цветов. Слева от нас горы служат постоянными стражами. Елово-пихтовый лес, выстилающий их зубчатые вершины, мерцает сине-серым в солнечном свете, в то время как нижние грани представляют собой лоскутное одеяло из смешанного дуба. Чем ближе мы подходим к подножию хребта, тем более неровной и каменистой становится почва, и я не раз слышу, как Каролетта и Дом ворчат. Но мы должны следовать в тени хребта, пока он резко не закончится дальше на северо-восток. Там, где кончаются горы, – кончается и Тилиан.

Мы могли бы проследить дальше на восток, где земля выравнивается ближе к побережью королевства. Такой маршрут, скорее всего, превратит четыре дня в три. Но дорога лежит на восток, а здесь нет поселений под открытым небом, только продуваемая ветром трава и полевые цветы. Скрытность вполне стоит более медленного темпа.

К счастью, к концу второго дня мои новые ботинки начали ломаться. В ту первую ночь я провела время, массируя подошвы ног и желая, чтобы замена моих покрытых волдырями подушечек на более здоровую кожу не требовала интенсивного ухода, как это делают все попытки исцеления.

На третий день нашего похода в тишине с больными лодыжками температура становится почти невыносимой. Воздух густой и влажный, такой тяжелый, что я почти чувствую его соленый привкус, а мои брюки прилипают к икрам, как перчатки. По крайней мере, это все, что есть: тепло. Летнее солнце. Ни зыбучих песков, ни облаков пыли, что царапают кожу. Эта мысль заставляет мое сердце биться чаще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.